

Светлана Бестужева-Лада
Императрица по случаю

Светлана Бестужева-Лада
Императрица по случаю

«Издательские решения»

Бестужева-Лада С. И.

Императрица по случаю / С. И. Бестужева-Лада — «Издательские решения»,

Козни соперницы переносят обыкновенную девушку Лизу на двести лет назад — во времена правления Павла Первого и в тело жены наследника престола Елизаветы. Заново влюбив в себя мужа и наладив отношения с другими членами семьи, она становится очень важной фигурой на политической арене Европы...

Содержание

Глава первая. «Как упоительны в России вечера»	6
Глава вторая. Невероятное очевидное	11
Глава третья. Новый старый муж	18
Глава четвертая. Дела семейные и не только	23
Глава пятая. Романтическая	31
Глава шестая. Августейшее семейство	42
Глава седьмая. Приятные новости и не очень приятные мысли	49
Глава восьмая. Политика – не женское дело?	58
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Императрица по случаю Светлана Бестужева-Лада

© Светлана Бестужева-Лада, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая. «Как упоительны в России вечера»

День рождения, на который мы с моим бой-френдом были приглашены, плавно катился по давным-давно накатанному сценарию. Причем накатали его еще до моего появления в жизни Сашки (или Сандро, как его предпочитали называть друзья и он сам). А если вдуматься, то вообще до нашей эры. Правда в последнюю пару лет изменилось место проведения – теперь это была не квартира именинника, а какое-нибудь кафе.

В данном случае действие происходило в Сокольническом парке в кафе с огромной верандой. Начало августа в Москве выдалось просто замечательным – не слишком жарко, не слишком много дождей, никаких разговоров о пожарах на торфяниках. То есть на веранде было комфортно.

И то, что из почти тридцати приглашенных большая часть курила, атмосферу не портило. В смысле моральную атмосферу. Сама курящая, и эту новомодная манера запрещать курить чуть ли не на улице меня просто бесила. Запретили бы заодно машинам ездить, от них выхлопы тоже не особо полезны для здоровья трудящихся.

Веселье набирало обороты, а мне почему-то не веселилось. Возможно, потому, что с друзьями (в меньших количествах, но с теми же) Сандро встречался регулярно, не реже раза в неделю, и я, как правило, на этих встречах присутствовала. В качестве очередной любимой девушки широко известного в узких бардовских кругах Москвы и Петербурга поэта Сандро Ботти.

(Только не подумайте, что Сашка – иностранец. Просто с его точки зрения, Сандро Ботти звучит гораздо лучше, чем Александр Ботиков. Большая часть его друзей-бардов тоже предпочитает звонкие псевдонимы, но я давно заметила, что чем красивее псевдоним, тем слабее исполняемые под этим псевдонимом произведения. А если поет, скажем, Михаил Стрельцов, то... Ну, в общем, вы поняли).

Я не была единственной женщиной в этой компании, но большинство моих однополюнок тоже были бардами. В смысле, бардессами. В самом крайнем случае – поэтессами, причем каждая считала себя гением. Хотя, о чем я: все в Сашкиной тусовке были гениальны. Кроме меня. Я была просто «девушкой Сандро», которую все ласково-снисходительно называли «Лизок». Я не возражала, раз и навсегда убедившись в бессмысленности попыток заставить называть меня Лизой. У гениев свои представления о прекрасном.

А у меня – свои. Например, очень люблю смотреть на закат. Весенний или летний. На ум почти сразу приходит популярная когда-то песня «Как упоительны в России вечера...», которую я люблю. Но – тайно. Один раз я имела неосторожность с похвалой отозваться о ней вслух – Господи, какой шквал ехидных насмешек обрушился на песню, меня, мой музыкальный слух и на мой вкус в поэзии! Еще бы прилюдно признать, что любишь попсу, будучи подругой барда!

Хотя в этом статусе я оказалась ну совершенно случайно. Благодаря активным хлопотам моей подружки Риты, страстной поклонницы бардов вообще и возлюбленной одного из них, которая дня не могла прожить без мужского внимания и никак не соглашалась понять, что у других может быть своя точка зрения на этот предмет.

А у меня она была. После не слишком долгого и не слишком удачного брака я предпочитала одиночество. Тем более что родители мои, выйдя на пенсию, увидели, что внуков у них в обозримом будущем не будет, и купили себе миленькую квартирку в маленьком болгарском городке, куда благополучно и отбыли.

Ну, а я осталась в нашей двушке на Лесной, в незыблемом уюте дома сталинской постройки, с высокими потолками, красивым видом из окон и антикварной мебелью. Плюс – с роскошной библиотекой, которую начали собирать еще мои бабушка с дедушкой, продолжили родители, а потом подключилась я.

Единственная новая вещь, которую я приобрела, был навороченный музыкальный комбайн, на котором можно было слушать и пластинки – да-да! – и кассеты, и диски, и радио. Впрочем, последнее меня интересовало лишь постольку поскольку. И из бардов в моей музыкальной коллекции присутствовали только очень избранные, причем избранные давно и не только мною.

У себя я отдыхала. От работы, от людей – ото всего. Поэтому и тонкие, и очень толстые Сашины намеки насчет того, чтобы «потусоваться» у меня деликатно игнорировала. Его компании и без того было где собраться для общения. В последние несколько лет в Москве появилось немерное количество всяких поэтических и бардовских клубов, где гении читали и пели свои произведения другим гениям. Ну и простым смертным, которые разными путями попадали на эти сборища.

Так что у меня Саша только ночевал – умеренно часто. Тут, должна сказать, мне несказанно повезло. До того, как повстречаться со мной, Саша три года прожил с гениальной поэтессой Ниной Сириус, признанной красавицей и бардовской музой, основные стихи которой были созданы лет тридцать назад, в пору ее цветущей молодости. Она даже издала книжку этих стихов с шикарным названием «Вертоград» и таскала ее на все свои выступления, как мне позже объяснили. Новые стихи она писала редко, и оценивать их я не берусь, поскольку не читала.

Да, к вопросу о везении. Помимо красоты, Нина отличалась феноменальной ревнивостью. Поэтому Саша должен был проводить у ее ног каждую свободную секунду, а уж о том, чтобы заночевать где-то без нее и речи быть не могло. Кроме того запрещалось вежливо разговаривать с любой особой женского пола – это расценивалось как заигрывание с целью последующего соития. Прикасаться к кому-нибудь вне зависимости от пола и возраста тоже не рекомендовалось – по тем же причинам. Будучи старше Саши на полтора десятка лет, Нина панически боялась его потерять. Хотя вела себя так, будто только об этом и мечтала: устраивала прилюдные сцены, не стесняясь в выражениях, могла оттаскать за волосы потенциальную – с ее точки зрения – соперницу, называть Сашины произведения «писульками» и «графоманью».

Саша терпел довольно долго. Но когда он по чистой случайности одновременно с какой-то бардессой написал песню о березе, и они исполнили свои произведения в одном и том же клубе с интервалом в полчаса, разразился дикий скандал. С точки зрения Нины, это было бесспорным доказательством наглой измены, растоптанием ее нежных чувств и плеванием ей в нежную душу. А Саша, вместо того чтобы повалиться в ноги и вымаливать прощение, махнул стопку водки и громко сказал:

– Да пошла ты на...

На том «роман века» и завершился. Нина разродилась в Интернете длинным и маловразумительным стихотворением о «подонках, сволочах и предателях», на которое Саша предпочел не реагировать. А какое-то время спустя моя деятельная подруга притащила меня на очередной бардовский вечер и познакомила нас.

Высокий, худощавый блондин с мягким, но сильным голосом мне понравился. Да и услышанные впервые его творения тоже, поскольку были не «авангардными», а обыкновенными, доступными пониманию нормального человека. И немножко талантливыми, хотя до Митяева, например, Саша, по-моему, все-таки не дотягивал.

Надо полагать, я тоже не произвела на него отталкивающего впечатления, поскольку через несколько дней он пригласил меня на очередной бардовский концерт. Увы, мои намеки относительно посещения консерватории или балета остались не услышанными. Но все-таки мы оказались вместе и довольно неплохо ладили. В основном, потому, что я практически ничего не требовала и в отсутствии возлюбленного спокойно жила собственной жизнью. Гораздо более прозаической, чем его.

Правда, мне пришлось довольно долго расхлебывать созданные Ниной многочисленные комплексы, но в конце концов Саша поверил в то, что существуют женщины а) не ревнивые, б)

не пишущие стихов, в) не стремящиеся каждую ночь проводить в одной койке со своим возлюбленным. И жизнь наша потекла более или менее спокойно и где-то даже счастливо.

По образованию я – историк, так что, помыкавшись года три в качестве преподавателя этого предмета в средней школе и поняв, что нервное расстройство на всю оставшуюся жизнь мне гарантировано, я стала активно искать что-то более спокойное. И, в конце концов, обрела счастье и покой в интернет-издательстве в качестве модератора. Моей обязанностью (за которую, кстати, неплохо платили) было чтение поступавших в редакцию книг на предмет обнаружения в них непечатных моментов.

Если называть вещи своими именами, я работала цензором. Но зато имела возможность читать не только в свободное время, но и в рабочее. Правда, процентов на восемьдесят это была жуткая белиберда с кучей грамматических и разных других ошибок (например, мое воображение потряс многоквартирный и многокорпусный особняк), но встречались и занятные истории.

Так что на данный момент я была довольна и работой, и личной жизнью, и даже – что редко бывает у женщин – собственной внешностью. Не худая и не толстая, натуральная блондинка с голубыми глазами, довольно длинными ногами и отличной кожей, что, согласитесь, придает дополнительное очарование. Саше, во всяком случае, нравилось на меня смотреть даже тогда, когда я бывала непричесанной и неумытой. Хотя, возможно, дело было не только в моем внешнем виде.

– Ты не представляешь себе, как приятно иметь дело с женщиной, которая не накладывает на себя тонны тонального крема, пудры, румян, туши и прочей фигни, – обронил он как-то. – И к тому же не смывает это на ночь.

Я пожала плечами:

– Первая заповедь ухода за собой: не оставлять на лице на ночь ни грамма косметики.

– А вторая? – проявил неожиданный интерес мой друг.

– Пользоваться декоративной косметикой так, чтобы это было незаметно окружающим.

– В смысле? – слегка оторопел он.

– В прямом. Должно создаваться впечатление, что женщина так и выглядит от природы.

– То есть как ты?

– Ну, примерно, – рассмеялась я. – С чего это тебя вдруг потянуло обсуждать женские проблемы?

– Так... – неопределенно обронил Саша.

Могла бы не спрашивать. На тех фотографиях в Интернете, которые мне доводилось видеть, Нина выглядела как цирковая актриса в полном гриме: так, чтобы каждую ресничку можно было разглядеть с верхних рядов. Полагаю, что на расстоянии вытянутой руки это смотрелось диковато. Но ведь кому-то нравится...

И как Саша терпел все глупости и выкрутасы так долго? Впрочем, прожив с ним немного, я уже могла дать ответ на этот вопрос. Слишком мягкий характер. Нет, мог, конечно, и вспылить, и наорать и дверью шарахнуть, но всего этого пыла хватало от силы на сутки. Потом все каким-то образом успокаивалось и очень быстро забывалось.

Положительного в это было еще и то, что моего друга можно было ласково и терпеливо уговорить на что угодно. Сделать то или не делать этого. Вот только с классической музыкой он стоял насмерть – ну, так у каждого барона свои фантазии. В консерваторию я, в принципе, могла и одна сходить. Или с подругой.

(Кстати, взбрело бы в голову пойти с другим мужчиной – никаких отрицательных последствий это бы не вызвало. Ревностью Саша не страдал, точнее, умел отделять мух от котлет и прекрасно видел, где дружеские отношения, а где что-то принципиально другое. Впрочем, я на всякий случай поводов не давала).

К реальности меня вернул довольно громкий шепот Риты:

– Опять замечталась? Очнись, сейчас Шура Московский будет петь.

– Ну и что? – тоже шепотом ответила я.

– А он тебе песню посвятил. Только что объявил, что сочинил песню для любимой женщины лучшего друга.

– И с чего ты взяла, что это обо мне? – неподдельно изумилась я.

Изумилась потому, что в «лучших друзьях» у поэта-барда Московского ходило пол-Москвы. Пардон за невольный каламбур.

Ответа я не получила, поскольку Шура уже начал исполнять свое новое творение. Зацените, во-первых, уровень одаренности, а, во-вторых, чего мне стоило удерживать на лице выражение почтительно-восхищенного внимания.

«Тёмный день как ночь такой же тёмный
Думать лень и писать ответы
Я уйду, хотя бы на мгновение, уйду в себя.
Знаю, ты со мной, со мною в этих сказках
Ты со мной, со мною в этих звёздах
Сама сияешь ярче всех и ты одна.
Ты нашёл любовь цвета неба
И холодно на сердце, одиноко
Ты нашёл любовь цвета розы
А на щеках лишь слёзы.
Где слова, мне негде больше взять их
Так и я устал кому-то верить
Если нет, то можно и не плакать
Не хочу.
Нам с тобой нельзя надолго забываться
Нет, нельзя, нам думать о прошедшем
Вот слова которые искал я
Ты моя».

Можете мне поверить, что музыкальное сопровождение по уровню полностью соответствовало словам. А вот почему посвященная «подруге лучшего друга» песня заканчивалась словами «ты моя», я, честно говоря, не поняла. «Не срубила фишку», как теперь модно говорить. Или вчера было модно – я за современным жаргоном не поспеваю.

Я поискала глазами Сашу – он увлеченно беседовал о чем-то с длинноволосым шкафообразным мужиком, опознать которого о спины мне не удалось. Да я просто не успела этого сделать, потому что за моей спиной вдруг раздался холодный женский голос:

– Ну-ка, пошла погулять отсюда, сучка. Мне с твоей приятельницей поговорить нужно.

Больше всего меня поразило, что Ритка, к которой были обращены эти слова, бойкая и умеющая за себя постоять, безропотно встала со стула и отошла в сторону. А на ее место села...

Я протерла глаза и незаметно ущипнула себя за руку. Нет, все так и было, мне ничего не померещилось. Рядом со мной сидела сама Нина Сириус. В полной боевой раскраске со своим знаменитым шиньоном ярко-рыжего цвета, одетая во что-то невообразимо короткое, ярко-красное и усыпанное блестками. Ансамбль дополняли алые лаковые сапоги – ну кто же летом без такой обуви обходится?

Меня подвело врожденное чувство юмора: мне вдруг пришло в голову, что великая поэтесса и муза сильно смахивает на цирковую лошадь в парадной сбруе. Сходство дополняло удлиненное лицо и тяжеловатая челюсть. Я не удержалась – фыркнула от смеха.

– Смешно тебе? – зловеще осведомилась Нина. – Смотри, как бы плакать не пришлось.

– От смеха? – максимально вежливо осведомилась я.

И опять совершила ошибку.

– Ах ты дрянь подзаборная! Спишь с моим мужчиной и еще издеваешься, шлюха! Жаль, раньше не было времени до тебя добраться. Ничего, сейчас за все заплатишь. С процентами.

Может быть, она сумасшедшая? Или спятила в последние два года? Хотя, возможно, мы просто за это время ни разу не пересеклись. Иначе это представление состоялось бы намного раньше.

Окружающие с интересом слушали монолог Нины, но вмешиваться почему-то не торопились. Постепенно на веранде вообще воцарилась тишина. Только мой друг по-прежнему увлеченно беседовал о чем-то с длинноволосым амбалом.

Или – делал вид, что беседует?

– И за что я, по-вашему, должна платить? – максимально бесстрастно осведомилась я. – Да еще с процентами?

– Я же тебе, суке, сказала русским языком: за то, что ты спишь с моим мужчиной. Увела его у меня и теперь пользуешься.

– По-моему, вы разошлись четыре года назад, – попыталась я освежить ее память. – И мы с Александром тогда еще не были знакомы.

– Вот в этом я как раз не уверена.

– Ваши проблемы, – пожалала я плечами. – Что же вы так долго молчали. Даже в милицию не заявили, что у вас любовника нагло украли.

– Издеваешься, сука, – совершенно по-змеиному зашипела Нина. – Ну, сейчас я из тебя клоуна сделаю. Не слышала: я гипнозом владею. Сейчас введу тебя в транс и будешь исполнять мои команды, как дрессированная собачка.

И она впилась злыми зелеными глазами прямо в мои зрачки. Ощущение было не из приятных, к тому же я с запозданием вспомнила редкие Сашины рассказы о том, что Нина как-то очень умело им манипулировала. Да и не только им.

У меня закружилась голова, все вокруг поплыло в какой-то лиловой дымке. Из нее до меня явственно донесся Сашин возглас:

– Нина, остановись!

И, по-видимому, ее ответ, потому что голос – какой-то нечеловеческий – доносился до меня словно сквозь подушку.

– Эта тварь у меня получит по полной.

Дальше зрение отключилось окончательно и меня начало втягивать в какую-то огромную воронку, в абсолютную темноту и тишину. Я почувствовала, что не могу дышать, сделала несколько бесплодных попыток вдохнуть и меня окончательно засосала темная бездна.

Последняя мелькнувшая у меня мысль была:

«Как удивительны в России вечера»

После чего наступил конец всего.

Глава вторая. Невероятное очевидное

Я лежала с закрытыми глазами и все еще замутненным сознанием ощущала: конец откладывается на определенное время. Либо – второй вариант – загробная жизнь все-таки существует, и я именно в ней сейчас и прописываюсь. Честно говоря, первый вариант мне нравился больше, только слегка напрягало неотступное видение: горящие лютой злобой зеленые глаза рыжей ведьмы.

Видение было настолько ярким, что я буквально облилась холодным потом. И почти сразу услышала рядом незнакомый женский голос:

– Слава те, пресвятая Богородица, теперь на поправку пойдет княгинюшка.

Второй голос, мужской и с сильным акцентом отозвался:

– Я говорить: нужно ожидать кризис. Сейчас опасения нет. Великая княгиня поправляется к времени.

Первый вариант отпал: там, где сознание меня покинуло, таких слов я не могла услышать просто по определению. Второй вариант обогатился впечатлением, что в загробном мире протекает довольно бурная жизнь, и что я в ней далеко не единственная.

Глаза никак не хотели открываться, я слабо пошевелила рукой – хоть это удалось! – и издала слабый полу-стон полу-писк. Послышался звук легких шагов, какое-то звяканье и у своего рта я ощутила край какого-то сосуда.

– Попейте, княгинюшка, попейте, касатушка, – заворковал женский голос.

Я послушалась и правильно сделала. Сознание постепенно стала проясняться, вязкая муть куда-то отплыла, и я, наконец, с огромным трудом разлепила веки.

И тут же снова зажмурилась – от огромного изумления, переходящего в шок. Мне потребовалось несколько бесконечных минут, чтобы осмелиться снова открыть глаза.

Я лежала на широкой и очень мягкой постели, а рядом со мной стояли двое: пожилая женщина в длинном темном платье до полу и в чепце (!), и немолодой мужчина в напудренном парике. Мужчина тут же взял меня за руку – привычным движением доктора, проверяющего пульс у больного.

– Еще не слишком сильно. Но будет хорошо. Осведомите великого князя.

Женщина сделала самый что ни на есть взаправдашний реверанс и исчезла из поля моего зрения. Зато меня осенило: это просто сон. По-видимому зловредной Нине удалось вогнать меня в транс, который затем перешел в состояние нормального сна со сновидениями. Ничего страшного. Только уж очень правдоподобно для сна. Хотя... откуда я знаю, что может присниться в состоянии транса? Со мною это впервые происходит.

– Где я?

Я не рассчитывала ни на то, что мой голос будет услышан, ни, тем более, на то, что я получу ответ на свой вопрос. Но ошиблась.

– Ваше высочество не узнает ее спальная комната? – несказанно удивился тот, кого я посчитала врачом.

Тут пришел мой черед удивляться. Почему «ваше высочество»? И как я могла узнать комнату, в которой оказалась впервые в жизни?

Туман в голове постепенно рассеивался, а вместо него стали приходиться некоторые мысли. Не сказать, чтобы уж очень здравые, но хоть какие-то. Например та, что Саша последнее время «подсел» на книги о «попаданцах». То есть о тех людях, которых неведомые силы переносят в тело другого человека или просто в другое время. Там они, разумеется, добиваются колоссальных успехов, используя менталитет двадцать первого века, а особо продвинутые – технические знания, привнесенные оттуда же.

Меня это литература, прямо скажем, не впечатлила. В основном, это были описания реорганизации армий, государственной машины, изобретение велосипеда до рождества Христова и так далее. Скучно. Но вот книг о «попаданках» мне до сего времени не попадалось, прошу прощения за каламбур. Никто из авторов не осмелился вселить чужую душу в тело какой-нибудь императрицы или перенести красивую девушку в эпоху Древнего Рима. Поскольку история такой девушки уместилась бы на трех страницах. Ну, сами понимаете.

А если я оказалась вот именно что первой «попаданкой», причем не в книге, а в жизни?

Я не без труда слегка приподнялась на подушках и произвела беглый обзор помещения. Комната по размерам лишь немного уступала всей моей квартире, так что стены я даже толком рассмотреть не смогла. На полу лежал роскошный ковер в нежных палевых тонах, по основному фону которого в тщательно продуманном беспорядке были рассыпаны охапки цветов и отдельные розы. Разумеется, не настоящие. А столик у изголовья был безусловно и безоговорочно антикварный, причем роскошный.

Так куда я попала, в конце концов? И за кого меня тут принимают?

– Вы узнавали комната, ваше высочество? – настойчиво повторил свой вопрос врач.

Я отрицательно покачала головой.

– А меня ваше высочество узнавает?

Та же реакция с моей стороны.

Чело медика покрылось морщинами от мысленного напряжения и он явно помрачнел. Интересно, что его не устраивает? И почему я должна узнавать человека, которого вижу впервые в жизни? Тетка в чепце хотя бы на этом не настаивала.

– Я есть лейб-медик Роджерсон.,

То есть меня интервьюировал главный придворный врач, причем явно иностранец. Куда же меня занесло, хотела бы я знать? Безусловно, в Россию, иначе лекарь не напрягался бы в поисках неродных ему русских слов. Но **чей** лейб-медик?

Голова у меня уже работала почти нормально и я смогла сформулировать достаточно грамотный наводящий вопрос:

– Как здоровье государя?

Ах, умница, ну просто гениальный историк! А если у руля государства в данный момент находится не государь, а государыня? Да ладно, сочтут, что я не только память потеряла, но еще и умом двинулась.

– Его императорское величество Павел Петрович изволят пребывать в здравии прекрасном, – чуть более весело ответил мне врач.

– А государыня?

Эх, не тот вопрос задала! И без того понятно, что супруга Павла Первого – Мария Федоровна. Ответ доктора не прольет свет на то, кто я сама. Дочь? Невестка? Великими княгинями при русском дворе называли и тех, и других.

– Ее императорское величество Мария Федоровна так же пользуются сильным здоровьем.

Я тщательно обдумала следующий вопрос, потому что времени у меня было не так уж и много. Та, что в чепце, отправилась за каким-то великим князем. Насколько мне было известно из истории, таковых в царском семействе было четыре, причем двоих – Николая и Михаила – можно было не считать по причине очень молодого возраста. Если бы я была одной из пяти императорских дочерей, радостную весть скорее отправились бы сообщать дражайшей маменьке.

Значит, одна из невесток императора. Или Луиза Баденская, во святом крещении Елизавета Алексеевна, супруга Великого князя Александра, наследника престола, либо Юлиана Саксен-Кобургская, во святом крещении Анна Федоровна, супруга второго великого князя Константина.

От второго варианта заранее бросало в дрожь, ибо читала где-то, что свою дражайшую половину Константин Павлович, характером пошедший в папеньку, лупил от души и часто, пока они, наконец, не разъехались, а двадцать лет спустя и официально развелись.

– Ваше высочество было тяжело больны, – нарушил затянувшуюся паузу врач. – Некоторые опасались плохого. Но Бог милосерд...

– Чем же я болела? Простите, господин Роджерсон, я почти ничего не помню...

– Тяжкое воспаление плевры... да, так. Долго без сознания. Но я ожидать кризиса – и он наступал.

Часть пазла сложилась. Императорская невестка подхватила воспаление легких и чуть было не отдала Богу грешную душу. И в этот самый момент душу заменили – на мою. Каким образом, оставалось только догадываться, но я, в принципе, человек здоровый, и болела только в детстве. Так что искомый кризис не заставил себя ждать.

Вспомнив отрывки из любимых книг Саши, я посмотрела на свою руку. Так сказать, для самоиндефикации, поскольку зеркало мне пока было недоступно. И даже не очень удивилась, когда вместо собственной привычной и совершенно обычной кисти (правда, с модным маникюром) узрела небольшую, узкую кисть с изящными пальчиками и тщательно отполированными короткими ноготками. Руку принцессы из сказки.

Тут мне пришлось прерваться в своих исследованиях, поскольку высокая белая дверь, украшенная золотыми (или позолоченными?) завитушками распахнулась и в комнату стремительно вошел... Саша. В первый момент я подумала, что нас с ним забросили в прошлое на пару, тандемом, так сказать, но некоторые детали заставили меня эту мысль отбросить.

– Ваше высочество, – склонился в поклоне врач, – кризис состоится. Ее высочество вне опасений, только необходимы бережность и спокойствие.

– Лизонька, – бросился к моей постели «Саша» (то есть наследник престола Александр Павлович) – какое счастье, что Бог тебя спас! Маменька уже приказала священнику быть наготове.

Трогательная забота. Не повезло маменьке, не понадобился невестке священник. Разве что благодарственный молебен отслужить по случаю моего выздоровления.

Александр опустился на колени возле кровати и припал губами к моей руке. Ах да, при дворе нашу пару называли «Амур и Психея» и умилялись нашей трепетной взаимной любви. Вот и дождалась ты, Лиза, принца. У него и белый конь наверняка есть. Жаль только, похвастаться некому.

– Я долго... болела.

– Три недели. А последние дни была без сознания и вся горела. Я так и знал, что эти вечерние прогулки по росе добром не кончатся.

– Прогулки по росе?

– Ты не помнишь?

Я покачала головой. Знал бы ты, мой милый, сколько всего я не помню. И сколько времени тебе потребуется, чтобы моя память хотя бы частично восстановилась. И сколько усилий мне придется потратить на то, чтобы вспомнить все когда-либо прочитанное об Елизавете Алексеевне и ее отношениях с родственниками супруга. А ведь придется...

Лучше всего сыграть в игру: «А ты кто такой (такая)»? Вот прямо сейчас и начать. Не узнать законного и любимого супруга, как я до этого не признала придворного врача и кого-то из прислуги. Нет, потом я его, конечно, «вспомню». Но было у меня смутное подозрение, что угодила я как раз в то самое время, когда отношения между нами стали охладевать.

Господи, главное совсем из головы вылетело! Родила я уже дочку или еще нет? Из-за нее ведь все и пошло кувырком: малышка была брюнеткой, а мы с Александром оба – светлые блондины. Бедной Елизавете тут же приписали супружескую измену... честно не помню, с кем. Но это мы проясним.

В покинутое мною время отсутствие внешнего сходства и несовпадение масти никого бы не удивило: нашли бы троюродную бабушку со стороны двоюродного дедушки и проследили бы генетический маршрут. Но в том времени, куда я попала, ребенку лучше было походить на одного из родителей. А еще лучше – на обоих сразу.

Ну – с Богом!

– Кто вы? – спросила я у Александра голосом умирающего лебедя.

Эффект был потрясающим, на такой я даже не рассчитывала. Великий князь онемел от изумления и с минуту смотрел на меня широко раскрытыми глазами. Затем метнулся к доктору и заговорил с ним... по-английски. Спасибо, что доктор был урожденным шотландцем а не немцем, немецкий я кое-как понимала, но через три слова на четвертое.

– Доктор, она меня не узнает! – трагическим голосом вскричал Александр.

На что получил совершенно невозмутимый ответ:

– Ее высочество и меня не узнали. Временная потеря памяти... это восстановимо, да. В моей практике бывали аналоги.

– Что же делать?

– Напоминать. Рассказывать якобы малому ребенку. И ваше высочество должно предупредить родных, дабы избежать конфузаций. Лучшее – пока не впускать визитеров, да. Только вы и ее камер-фрау.

Слегка успокоенный Александр вернулся к постели и снова взял меня за руку.

– Лизонька, я твой муж, Александр. Помнишь, какая у нас была красивая свадьба?

– О, ее императорское величество Екатерина Алексеевна была так добра и величественна!

– Она помнит мою дорогую бабушку! – радостно сообщил Александр доктору.

– Это есть хороший знак, ваше высочество. Рассказывайте ей о наиболее ярких моментах из прошедшего. Но – терпение, терпение и еще раз терпение. Если бы у вас было дитя... ее высочество вспомнить сразу, я наблюдать такой эффектум.

Я затаила дыхание.

– Увы, – отозвался помрачневший Александр, – Бог пока еще не послал нам ребенка.

– О, ребенок, – подхватила я реплику на лету. – Моя заветная мечта – подарить супругу сына.

– Лизонька, – мягко сказал Александр, снова присаживаясь на краешек кровати. – Я и есть твой муж, Александр. Ты же вспомнила часть свадьбы. А теперь попробуй вспомнить, кто стоял с тобой перед алтарем.

Тут главное было – не пережать. Конечно, я должна была вспомнить Александра еще сегодня, но как бы сквозь дымку.

– Перед алтарем я принимала крещение в православие, – пробормотала я.

– Умница. А теперь вспомни, какое на тебе было платье в день свадьбы.

В такой момент у любой нормальной женщины должно было случиться хотя бы частичное прояснение памяти.

– Кружевное, – мечтательно вздохнула я, – с вытканными серебром розочками. И ты был в белом камзоле, тоже с серебряным шитьем.

– Слава Богу! Теперь ты меня узнаешь?

– Дд-а... Только тогда ты был моложе.

– Естественно, – рассмеялся Александр счастливым смехом, – тогда мне было семнадцать, а теперь – двадцать два... почти

Бинго! То, что Александр взошел на трон в двадцать четыре года я помнила совершенно отчетливо. Значит, папенька, Павел Петрович, доживает последние годы своего правления, а моего супруга через год с небольшим втянут в заговор, который он не сможет простить себе всю оставшуюся жизнь. Вовремя же я тут высадилась.

Тут в нашу семейную идиллию вмешался доктор.

– Ее высочеству потребен отдых. А после него я бы рекомендовал призвать мадам Головину. Ее тесное дружество с великой княгиней может ускорить восстановление памяти...

– Я сейчас же вызову фрейлину Варвару Николаевну и конфиденциально переговорю с ней, – отозвался Александр. – Вы правы, господин Роджерсон, тут нужна умная и добрая женщина, хорошо знающая подробности личной жизни великой княгини.

Фрейлина Варвара Николаевна была для меня новостью. О ней я точно нигде ничего не читала. Но с женщиной общий язык найти будет легче, чем с мужчиной, в этом я была абсолютно уверена.

– Тебе нужно поспать, Лизонька, – ласково обратился ко мне супруг. – Сейчас доктор даст тебе лекарство. А ближе к вечеру я еще раз загляну к тебе. Боже все милостивый, как же я рад, что ты выкарабкалась из этого недуга.

Я несмело погладила его по руке. Формально-то он мне, конечно, муж, а фактически – совершенно посторонний и малоизвестный человек. К тому же я понятия не имела, как общались между собой супруги не на людях, а наедине.

Да еще читала, что аккурат в это время Александр начал увлекаться разными придворными дамами. Скорее всего, из-за чрезмерной кротости и многотерпеливости настоящей Елизаветы. Но я-то не «баденская меланхоличная принцесса», я – вполне эмансипированная и самостоятельная женщина будущего.

Так что, как поется в песне из моего любимого фильма: «Посмотрим, кто у чьих ботфорт в конце концов согнет свои колени».

– Дорогой, – чуть повысив голос спросила я, – какой сегодня день?

– Вторник, – с некоторым недоумением ответил Александр.

– Нет, число какое?

– Двадцать четвертое августа.

– А год?

Александр уже ничему не удивлялся.

– Одна тысяча семьсот девяносто восьмой от рождества Христова. До пятилетней годовщины нашей свадьбы осталось меньше месяца. Уже началась подготовка к торжествам, так что я прошу тебя, мой ангел, поправляйся скорее. Я не хочу упустить шанс пройтись в танце с самой красивой женщиной Европы.

– И с кем же вы собрались танцевать? – холодно осведомилась я.

Александр расхохотался:

– Лизонька, душа моя, это тебя так называют при всех европейских дворах.

– Ты такого же мнения? – лукаво осведомилась я.

– Ты же знаешь, что другие женщины меня не интересуют. Ну, я вижу тебе значительно лучше. До вечера, мой ангел, отдохни хорошенько.

Он поцеловал меня в лоб и исчез. А доктор Роджерсон заставил меня выпить ложку какой-то кисло-сладкой микстуры, после которой я не столько заснула, сколько впала в какое-то подобие прострации. Что интересно, голова при этом работала достаточно ясно.

Пять лет со дня свадьбы... Пышные торжества. Балы, красавицы, лакеи, юнкера... Вот насчет юнкеров я как-то не слишком уверена, кажется, они появились много позже. Да и Бог бы с ними, с юнкерами и всеми прочими воинскими званиями!

Как я буду танцевать – вот в чем вопрос. Вальс тогда уже придумали или еще нет? О всевозможных танго-фокстротах придется забыть. Ну, полонез я, допустим, видела во многих костюмированных фильмах – как-нибудь осилю. А остальное?

А остальное, моя милая, просто не осилишь. Придется прикинуться слабенькой после тяжелой и продолжительной болезни и только любоваться на танцующих. Побеседовать с кем-нибудь, опять же, куда полезнее, чем отплясывать неизвестные пляски. Ладно, разберемся

по ходу дела. Потеря памяти – штука хитрая, ее до конца не изучили даже в том времени, откуда я десантировалась. А уж здесь-то тем более.

Все-таки микстура доктора подействовала, и я заснула. Судя по всему, ненадолго, за окном по-прежнему было светло, а комнате никого не было. То есть это мне так показалось, что – никого, но как только я попыталась встать с кровати – по вполне уважительной причине – из какого-то угла тут же возникла уже знакомая мне женщина в темном платье и чепце.

– Княгинюшка, голубушка, не велел дохтур-то подниматься.

– Но мне нужно, – опешила я.

– По малой или по большой? – совершенно естественным тоном задала вопрос неидентифицированная мною пока дама.

– По малой, – буркнула я, заливаясь краской.

– А смущаться нечего, красавица моя, сей минут я вазу-то ночную представлю.

– Да я бы и сама...

– Вот поправитесь, так конечно сами все будете. А сейчас уж не взыщите.

Я не взыскала. Удовлетворила свои потребности, мимоходом отметив, что предоставленная мне ваза была действительно фарфоровым произведением искусства, а когда женщина унесла ее и вскоре вернулась, задала прямой вопрос:

– Вы кто?

– Ох, княгинюшка, и верно говорят, что болезнь вам вовсе память отшибла. Катерина я, камеристка ваша. С тех пор, как государыня Екатерина Алексеевна, царствие ей небесное, меня к вашей персоне приставить изволили, так и служу.

– И когда это было?

– Да сразу, как вас, цветочек нежный, девочку застенчивую, в Россию привезли. Тому уж годков шесть будет.

Один источник бесценной информации был найден. И вся прелесть заключалась в том, что эта самая Катерина ответит на любые вопросы, ничему не удивляясь. Память-то у княгинюшки отшибло напрочь, вот беда. Как тут не помочь беде?

– Давно я болею, Катерина?

Та взглянула на меня и быстро вытерла глаза рукавом.

– Вот... Забыли, что завсегда меня Катюшей звали...

– Ну, прости, Катюша, прости, милая, не виновата я, что вот такая оказалась. За что-то Бог наказал.

– Да за что вас наказывать-то, ангела безгрешного? Уж ежели кто и виноват в вашей хвори, так шелопут этот, князь польский. Он с вами гулял, да все удерживал: погодите, мол, да подождите, мол. Вот и догулялись.

– А его высочество где же был? – осведомилась я, догадываясь, что польским шелапутом Катерина называла князя Адама Чарторыжского, про которого я читала, что он активно ухаживал за Великой княгиней и даже, по скандальным сплетням, был отцом ее первого ребенка.

«Поляка – вон, – решила я про себя. – Без ухажеров, тем более, иностранных, обойдемся. И наедине я его более принимать не стану. Поскольку ребенка рожать нужно, это даже не обсуждается, а всякие подозрения мне ни к чему».

– А великого князя, который с вами спервоначалу гулял, государь-император к себе позвать изволил. Уж по какому делу – то мне неизвестно. А к ночи у вас, княгинюшка, жар начался, да такой сильный...

– Катюша, скажи, кому там следует, чтобы этого князя польского более на порог ко мне не пускали. Из-за него я в таком положении оказалась, что язык родной напрочь забыла.

– Как это?! – ахнула Катерина.

– А так, что два-три слова помню, а более ничего. Спасибо, хоть русский язык мне Господь сохранил.

Мы с Катериной дружно и истово перекрестились.

В этот момент раздался тихий стук в дверь. Катерина резво отправилась узнавать, кого там Бог принес по мою душу, а я откинулась на полушки и подумала, что завтра, пожалуй, нужно будет потихоньку вставать, что бы там господин Роджерсон ни говорил. Повалялась – и хватит, нужно активно внедряться в окружающую среду. А одной камеристки для этого мало-вато.

Та как раз вернулась насуспенная, что-то сердито бурча себе под нос.

– Ты что, Катюша? – ласково осведомилась я. – Кто это был?

– Да вот помянули этого ляха, будь он неладен, к ночи, так самолично и заявился. «Желаю, говорит, поздравить принцессу с выздоровлением». А я ему отвечаю, что княгинюшка еще не поправилась толком, да и видеть вас не желает, ни сейчас, ни во благовремени.

– Вот и молодец, спасибо.

Тут в дверь снова постучали. На сей раз Катерина посетителя впустила сразу и без звука: доктор пришел проведать пациентку. Увиденное его явно обрадовало.

– Так, ваше высочество, я видеть, дела хорошо. Спали?

– Да, господин Роджерсон.

– Аппетит имеете?

– Не очень.

– Требуется хотя бы пить стакан молоко, потом мое лекарство – и спать. Завтра утром я снова приходиться.

Я послушно кивнула головой. Как раз в этот момент дверь открылась уже без стука и появился мой супруг. Как и обещал, отметила я про себя. Значит, отношения между нами пока еще теплые и нужно будет их еще подогреть.

– Как наша пациентка, господин Роджерсон? – обратился он к врачу.

А потом подошел к постели и нежно поцеловал мне руку, а потом лоб. Я в ответ прижалась щекой к его руке, стремясь вложить в это действие максимум теплоты и любви.

– Завтра велю отслужить молебен в честь твоего выздоровления.

Доктор раскланялся и вышел, не желая мешать супружеской идиллии. Катерина отправилась, надо полагать, за молоком, так что мы остались наедине.

– Я очень по тебе соскучился, – прошептал Александр, снова целуя мне руку. – Поправляйся скорее.

– Я тоже скучала по тебе, – отозвалась я. – Потерпи, совсем скоро я буду здорова. А память потихоньку вернется, если ты мне поможешь.

– По-моему, она к тебе уже вернулась, – лукаво усмехнулся Александр. – Бедняжку князя Адама на порог не пустила, он теперь, как в воду опущенный.

– Знаешь, – ответила я, – мне его не жалко. Видеть его больше не желаю.

– Лиза! – изумленно воскликнул Александр. – Да у тебя, похоже, не память пропала, а характер изменился.

Знал бы он, **насколько** изменился.

Глава третья. Новый старый муж

Второе мое пробуждение в новой ипостаси отличалось от первого, как небо от земли. Во-первых, я не выплывала мучительно из какого-то тумана, силясь понять, на каком свете нахожусь, во-вторых, снадобье доктора Роджерса, по-видимому, оказало нужное действие: я чувствовала себя бодрой и готовой к исследованию действительности, в которой так экстравагантно оказалась.

Первым делом, я встала с постели (как выяснилось, роскошной, широкой, под белым шелковым балдахинном) и напрямик направилась к зеркалу, вделанному в одну из стен. Что ж, историки и живописцы не вняли относительно внешности супруги Александра Первого. Как выяснилось, они были даже слишком скромны.

В зеркале отражалась высокая, изящная молодая женщина, скорее даже девушка, с тонкими чертами лица, греческим профилем, огромными голубыми глазами и белокурыми волосами, ниспадавшими ниже пояса. Изящные кисти рук, маленькие, аристократической формы ступни... что ж, мне повезло с новой внешностью так, как я и не мечтала.

Впрочем, и красоток мужья оставляют ради совершенно невзрачных любовниц. Я помнила из прочитанного в той, оставленной мною действительности, что Александр только до появления у Елизаветы первой дочери был в нее нежно и страстно влюблен, а потом практически внезапно охладел.

Одну из причин этого охлаждения я вчера лично приказала Катерине выставить за дверь и никогда более ко мне не пускать. Фаворит покойной императрицы Екатерины, граф Платон Зубов, который докучал своими ухаживаниями юной великой княгине, после воцарения Павла старался вести себя как можно незаметнее. Насколько мне помнилось, равнодушен к отражавшейся в зеркале красавице был и младший брат Александра, Константин, но, кажется, после женитьбы, он поутих.

Да, еще современники упрекали Елизавету в излишней меланхоличности, замкнутости и гордости, что помешало ей сохранить любовь супруга. Ничего, я такими недостатками не обладаю...

– Княгинюшка! – раздался сзади голос Катерины, – что же вы босиком-то стоять изволите? Снова захвораете, не приведи Господи. Вот ваши туфельки...

Она ловко надела на меня парчовые туфельки без задников, отороченные каким-то белым пухом. Не исключено – лебяжьим. А затем подала роскошное неглиже, описывать которое я затрудняюсь. Воздух, блеск и кружева.

– Катюша, я кофе хочу, – сказала я, оторвавшись, наконец, от зеркала.

Только теперь я обнаружила, что у меня изменился голос – стал мягче, глубже, певучее. Ну, хорошеть – так уж по полной программе. Не удивлюсь, если у меня и музыкальные способности прорежутся.

– Сей момент, княгинюшка. Только к вам великий князь пришел, может, вместе кофий-то и откушаете?

– Конечно.

Я наспех пригладила волосы и увидела в зеркале, как Александр переступает порог моей комнаты. Увидев меня на ногах, он просиял, а я, не долго думая, кинулась ему на шею:

– Саша, я почти здорова!

– Похоже на то, – счастливо рассмеялся он, – если меня наконец по имени начала называть. А то вчера я испугался, не шутя.

– Саша, но я не все вспомнила пока еще, – честно предупредила я.

– Станешь выходить в люди – немедленно вспомнишь. Если, конечно, не предпочтешь одна в своих покоях с книжкой сидеть.

Тон был явно неодобрительный, и я это почувствовала. Значит, я предпочитала одиночество и книги, а такого ни один нормальный и – пока еще! – любящий муж не одобрит. Нужно срочно менять образ жизни.

– Не предпочту, – улыбнулась я. – После того, как чуть Богу душу не отдала, поняла, что жить нужно полной жизнью. Но только...

– Только что?

– Если ты почаще рядом будешь, – стыдливо шепнула я.

– Лизонька! – изумленно-счастливо воскликнул Александр, – от тебя ли я это слышу?

Очень кстати явился лакей с подносом, уставленным всем, что положено для утреннего кофе. Спасибо покойной императрице Екатерине, приучившей в свое время к этому экзотическому напитку весь двор. Иначе кисло бы мне пришлось: без пары чашек кофе я себе начала дня не представляла.

– А тебе кофе не повредит? – осведомился Александр. – Доктор позволил?

– Господина Роджерсона я сегодня еще не видела. Но не думаю, чтобы кофе мог мне повредить. Разве что сил прибавит.

– Помимо кофе тебе есть нужно побольше. Ты же, почитай, одним воздухом питаешься.

– Больше не буду, – честно пообещала я. – Я в одной книжке читала, что для рождения мальчика необходимо есть побольше мяса, рыбы и фруктов. А я так мечтаю подарить тебе сына.

Александр чуть не поперхнулся кофе.

– Лиза, ты говоришь об этом **вслух!**?

– А тебя это шокирует?

– Это **тебя** всегда шокировало, ты тут же краснела и переводила разговор на отвлеченные темы.

– Повзрослела, наверное, – безмятежно отозвалась я. – Или болезнь дала осложнение... на голову.

Мой богоданный супруг несколько минут молча смотрел на меня, а потом выдал:

– Ты не против, если я приду сегодня вечером?

Вот это и называется ковать железо, пока горячо. Бедняжка, как же его измучила та, в чье тело я попала, своей инфантильностью и застенчивостью! Тут любой станет на придворных дам заглядываться.

Я опустила глаза и с лукавой улыбкой сказала:

– Только господину Роджерсону не говори. А то он начнет опять все запрещать, а я так по тебе соскучилась.

Как мы не свортили столик с посудой – непонятно. Александр вскочил и бросился меня обнимать. Ну и целовать тоже, естественно. А в моем новом теле проснулись прежние ощущения: с темпераментом у меня проблем никогда не возникало. Застывшую в дверях соляным столпом Катерину мы оба заметили слишком поздно. Что характерно, смутился только Александр, мне же стесняться было нечего: не с любовником, чай, милуюсь, с законным супругом.

– Ну, до вечера, ангел мой, – скороговоркой бросил он и сбежал.

Похоже, мы были достойной друг друга парой по части стеснительности.

– Княгинюшка, – очнулась от столбняка Катерина, – господин доктор пожаловал. Звать?

– Зови, конечно, – весело откликнулась я. – Кофе пока не убирай, может, я еще чашечку выпью.

Господин Роджерсон обнаружил меня стоящей возле кресла и ахнул:

– Как, ваше высочество, вы уже изволили встать?

– Я прекрасно себя чувствую, господин доктор. Конечно, я не собираюсь пока покидать свои комнаты, но вот мы только что позавтракали вместе с Великим князем... Кстати, не хотите ли чашечку кофе?

– Вы слишком любезны, ваше высочество, благодарю, – пробормотал совершенно смущенный врач. – Я уже пить сегодня.

Ну, как угодно. Уж не знаю, принято ли тут распивать кофе с лечащим врачом, но для меня всегда было естественно предложить замученным пациентами участковым врачам кофе или чаю. И многие соглашались, кстати. Но здесь явно свои порядки. Да и вообще – начнут сплетничать, что у меня особые отношения с доктором. Читывали исторические хроники, знаем, сколько собак на безвинную Елизавету повесили.

Господин Роджерсон остался чрезвычайно довольным состоянием своей пациентки. Пульс – наполненный, не частит, а, наоборот, бьется ровно. Дыхание – глубокое и чистое, никаких признаков лихорадки. Цвет лица улучшился. Ну, а про аппетит он не спрашивает, и так видно, что я не страдаю от его отсутствия.

– День два-три комната, потом можно короткая прогулка. Сильное питание, хорошо для крови непрожаренное мясо. Бульон крепкий – каждый день. Бокал красного вина...

Здесьняя диета мне как-то сразу понравилась. Ничего из привычного набора «исключить острое, жирное, жареное». Бифштекс с кровью, красное вино из царских погребов. Цени, Лизка, какое счастье тебе нечаянно выпало.

– Завтра можно одеваться, – закончил свои рекомендации врач. – И пока еще пить мой микстур. Его действие очевидно.

Ну, насчет микстуры, мы еще посмотрим, у меня на вечер были несколько иные планы. А отобедаю сегодня я, кажется, с большим удовольствием. С малокровием у моей предшественницы в этом теле нужно заканчивать. Как и с меланхолией.

Нет, это уму непостижимо! Муж – самый красивый мужчина в России, сама принцесса, а забила серой мышкой в свою комнату и книжки читает. Да еще печалится, что муж, дескать, охладеть начал. Удивительно, что до сих пор совсем не охладел.

Кстати, я читала, что Елизавета Алексеевна была крайне скромна в одежде. Вот это тоже надо прекращать решительно и бесповоротно. Нет, конечно, не заказывать золотые и серебряные платья с павлиньими перьями, но пересмотреть гардероб, полюбоваться на местных модниц и всех затем затмить изяществом и элегантностью. Большого ума для этого не нужно.

В дверь снова постучали. Катерина пошла взглянуть, кто там, и тут же вернулась:

– Фрейлина Варвара Николаевна Головина к вам, княгинюшка.

– Зови, – откликнулась я. – Да прикажи заварить свежий кофе, и чтобы с бисквитами и со сливками.

– Сей момент все сделаю.

Катерина исчезла, а в комнату легкими стремительными шагами вошла весьма миловидная дама лет тридцати, стройная, изящная, даже на мой вкус элегантно одетая.

– Элиз, как вы! – воскликнула она, после того, как присела в обязательном реверансе. – Я так беспокоилась о вашем состоянии! Но меня к вам не пускала императрица.

– Значит, ваши отношения так и не наладились? – спросила я первое, что мне пришло в голову.

Варвара Николаевна посмотрела на меня с искренним изумлением:

– Да разве это возможно, Элиз? Тех, кто любил покойную императрицу Екатерину Алексеевну, царствие ей небесное, ваша дорогая свекровь не простит никогда.

Тут до меня дошло, что мы непринужденно беседуем на... французском языке. Нет, этот язык я вообще-то знала прилично и даже в туристической поездке в Париже обходилась без переводчика. Но сейчас я разговаривала **свободно**. Значит, прежняя хозяйка моего тела кое-что оставила, то ли в мозгу, то ли в подкорке.

И сколько мне открытий чудных еще предстоит сделать, интересно?

– Меня это огорчает, Барб. Мне бы хотелось мира и покоя в семье. К счастью, я частично утратила память, как вам наверняка известно. И подробностей моих отношений с императри-

цей не помню. Вы уж меня простите, дорогая, но я не помню и очень многих наших с вами встреч и бесед.

Варвара Николаевна рассмеялась:

– Ну, это не так уж важно для истории, Элиз, чтобы запоминать. Скажите мне, чем я могу вам помочь? Не может быть, чтобы утрата памяти в таком возрасте, как ваш, оказалась постоянной. Все постепенно восстановится.

– Прежде всего, помогите мне, Барб, разобраться в моих отношениях с князем Чарторыйским. Он вчера рвался навестить меня, хотя никто из родственников, кроме Александра, конечно, такого намерения не высказал. Я приказала его не принимать вообще.

– И абсолютно правильно сделали, моя дорогая Элиз! Все шло к тому, что князь Адам окончательно испортит вашу репутацию при дворе. Он же почти открыто волочился за вами! Император и императрица были в ужасе.

– А Александр?

– А вашего прекрасного во всех отношениях супруга это, кажется, только забавляло. Он несокрушимо уверен в вашей добродетели и с интересом наблюдал, как вас искушает этот интриган-поляк. Плюс мужская дружба, которая, порой, самых умных заставляет делать глупости.

– Значит, Александр поощрял этот... флирт?

– В общем, да... Но хуже другое: в обществе уверены, что это вы влюблены в князя Адама, а он старался наставить вас на путь истинный.

Мне даже кровь бросилась в голову от возмущения.

– Что за чепуха, Барб?! Я всегда любила и люблю только своего мужа.

– Я знаю. Но князь зачем-то распространяет иные слухи. Вот я недавно получила письмо от одной моей приятельницы, они с мужем сейчас на водах. Так сплетни и в Германию доползли. Вот, послушайте, что она пишет:

«В то время, как Великий князь волочится за всеми придворными дамами подряд, был страстно увлечён придворными дамами, его супруга нуждалась в любви и искала утешения. Вам, княгиня, должно быть лучше всех известно о романе Елизаветы с князем Адамом Чарторыйским, ближайшим другом Александра. Введённый императором Павлом в окружение его сына, он сыграл в этом окружении роковую роль. Князь Адам – один из тех редких и опасных людей, которые сильно чувствуют и внушают столь же сильные чувства: их благородную и глубокую страсть выражает меланхолический взгляд, а их сдержанность и молчание говорят лучше всяких слов. Он не старался вызвать любовь великой княгини, напротив, он долго и доблестно противился ее чувству, но эти усилия спасти ее только подлили масла в огонь. Чарторыйский влюбился и они оба пытались сопротивляться своему чувству, но, по-видимому, безуспешно...»

– Какая глупость и гадость! – воскликнула я от души.

– Разумеется, дорогая Элиз, но наше общество далеко от совершенства. Вы совершенно правильно сделали, что отказались принимать князя Адама. Впредь остерегайтесь говорить с ним тет-а-тет, как бы вас к этому ни подталкивали.

– Я сделаю лучше, – мечтательно сказала я, – я поссорю князя с моим мужем. Только для этого мне необходимо обрести благосклонность их императорских величеств. А единственный путь к этому – как можно скорее родить ребенка.

Варвара Николаевна некоторое время смотрела на меня круглившимися от изумления глазами, а потом произнесла:

– Болезнь сильно изменила вас, Элиз. До нее вы отказывались даже обсуждать вопрос о детях, смущались и замолкали. А уж мысль о том, чтобы кого-то с кем-то поссорить... Я поражена!

– Да, я изменилась, – согласилась я. – У меня было много времени для размышления. И если я не хочу потерять Александра, то нужно не прятаться от света, а самой стать его центром.

Изумление в глазах Головиной стремительно росло.

Глава четвертая. Дела семейные и не только

– Надеюсь, милая Барб, я по-прежнему могу рассчитывать на вашу дружбу? – поспешила я закрепить на занятых позициях.

– Разумеется!

– Тогда помогите мне вспомнить, с чего началась неприязнь ко мне дорогих августейших свекров. Чем я им не угодила?

– Конечно же помогу, Элиз. Мне, к сожалению, так и не удалось вернуть потерянное после смерти императрицы Екатерины расположение Марии Федоровны, которую я искренне люблю и уважаю. Но Павел Петрович сразу после смерти матери, два года тому назад, назначил моего супруга гофмейстером придворного штата вашего супруга. А это сулит кое-какие надежды.

– Надежда умирает последней, – философски заметила я. – Давайте начнем с самого начала, Барб. Ведь после свадьбы и Мария Федоровна, и Павел Петрович прекрасно ко мне относились, не так ли?

– Еще бы! Вас обожала покойная императрица, а следом за ней и весь двор. Как же иначе? Но Павел Петрович был обижен, что с ним не посоветовались при выборе невесты старшему сыну.

– На его месте я бы тоже обиделась, – хмыкнула я.

– И почти сразу же императрица выбрала супругу великому князю Константину – принцессу Юлианну-Генриетту Саксен-Кобургскую, причем жениху не было еще шестнадцати лет, а невесте – пятнадцати. Принцессу срочно перекрестили в православие под именем Анны Федоровны, а через две недели состоялось венчание.

– Я это помню, но как-то смутно, – прервала я княгиню. – Кажется, великий князь Константин проявлял нетерпение из-за долгой церемонии...

– Совершенно верно, Элиз, императрице даже пришлось шикнуть на него. А новобрачная, кажется, просто не понимала, что происходит и что с ней делают. Она еще в куклы толком не наигралась.

– Но ведь меня выдали за Александра тоже очень юной...

– Вы всегда были серьезны не по годам. К тому же ваша красота и красота вашего супруга просто заморозили всех присутствовавших на венчании. У Константина с Анной был по-другому: великий князь красотой никогда не блистал, а Анна еще даже не сформировалась, как девушка.

– Их обвенчали, кажется, за полгода до смерти бабушки...

– Ну вот, вы же очень многое помните. И Павел Петрович, ставший императором, страшно злился на то, что его покойная мать поторопилась с выбором невест для сыновей. Вы же знаете, они не очень ладили, мать с сыном...

– Не очень ладили – это еще мягко сказано, – пробормотала я. – Бедный Саша, каково ему было всю юность – меж двух огней.

– Теперь императорская чета, правда, более недовольна Константином, чем вами. Порядочная и высоконравственная немка, государыня не может постичь, как можно посадить молодую жену в одну из огромных дворцовых ваз, а потом начать стрелять по ней. У бедняжки Анны случился нервный срыв, но пожаловаться императору она не посмела.

– И что, Константину все так и сошло с рук? – изумилась я.

– Не совсем. Родители все-таки узнали о сем прискорбном инциденте и отправили сыночка на время в армию.

– Дисциплине поучиться, – пробормотала я.

– И все-таки главное – это то, что ни вы, Элиз, ни княгиня Анна так и не подарили августейшей чете внуков. Даже девочки ни одна из вас пока не родила.

– Ну, от стрельбы по вазам дети не заводятся, – усмехнулась я. – Что же касается меня, то нужно срочно принимать меры. Меня хоть докторам показывали?

Княгиня покачала головой.

– Ну, правильно, все само устроится по Божьей воле. Государыня-императрица, кажется, полагает, что всех женщин Господь одарил такой же фантастической способностью к чадородию, как и ее величество.

– Думаю, дело не только в этом, – негромко заметила княгиня. – Сначала вы были еще слишком юны и природа давала вам возможность созреть. А потом... простите меня, Элиз, великий князь, как мне кажется, стал negliжировать своими обязанностями супруга. Вы чаще проводили время со мной или с князем Адамом, чем с супругом.

– С князем Адамом все ясно – больше его рядом со мной не будет. А вот остальное... Как вы думаете, Барб, уместно ли мне будет нанести визит матушке-императрице и осведомиться о ее здоровье? Вчера доктор сказал, что у нее был приступ мигрени.

– Остроумно, – рассмеялась княгиня. – Но лучше это сделать в другой день: сегодня их императорские величества отправились инспектировать стройку Михайловского дворца и, как всегда после таких поездок, будут слишком возбуждены.

– А разве Михайловский замок еще не построен? – вырвалось у меня.

– Помилуйте, Элиз, только год назад заложили первый камень! Хотя вокруг этого дворца такая ажитация – немудрено, что вы запутались. Император требует, чтобы все работы были завершены в год, строительные материалы берут отовсюду – разобрали несколько павильонов в Царском Селе, забрали мрамор со стройки Исаакиевского собора, а из Таврического дворца – наборный паркет. Работают днем и ночью при свете факелов и фонарей. Говорят, что число рабочих доходит до шести тысяч.

– Наверное, получится нечто необыкновенное, – заметила я. – Но вернемся к нашим баранам, то есть визиту к императрице. В чем мне к ней пойти?

– О, Элиз, вы попали в самую точку. Я неоднократно слышала, как ее величество выражало свое неодобрение по поводу чрезмерной скромности ваших нарядов. Утверждала, что этим вы хотите подчеркнуть чрезмерную пышность ее туалетов.

– Я как-то не так одевалась?

– А вы взгляните со стороны на ваш гардероб.

Княгиня встала и уверенно направилась к стене. Я в некотором недоумении последовала за ней и только на расстоянии двух шагов обнаружила неприметную дверцу, обтянутую той же материей, что и стены. За дверцей оказалась средних размеров комната, как я поняла – гардеробная.

Дюжины две платьев висели на манекенах вдоль одной из стен. Беглого взгляда мне хватило, чтобы понять: моя предшественница в теле Елизаветы явно страдала гипертрофированной скромностью. Ни одного яркого пятна: все туалеты были бледно-голубыми, нежно-зелеными или – чаще всего – белыми.

– Надо срочно что-то делать, пробормотала я. – Какие цвета предпочитает императрица?

– Лучше вам ей не подражать напрямую, а просто освежить свой гардероб. Закажите что-нибудь изумрудно-зеленое или цвета разбавленного вина. Ну, и шаль в тон, и ленты в прическу соответствующие...

– Это же сколько времени потребуется? – ужаснулась я.

– Вы действительно многое забыли, Элиз, – с грустью констатировала княгиня. – Обычное платье без вышивки шьется сутки, много – двое. Фасоны-то теперь просты, не то, что раньше.

Действительно, фасончики у платьев были немудреные: рукава-буфф выше локтей, подчеркнутая лентой с бантом или брошью линия талии под грудью, не слишком широкая юбка. Как они не мерзнут зимой в таких туалетах?

– Помогите мне заказать платье, Барб, – взмолилась я. – Моя несчастная голова уже идет кругом.

– Вы просто устали, Элиз. Вам нужно отдохнуть, а я пойду и всем распоряжусь. У портних есть ваши размеры, цвета и ткань я выберу сама, если вы доверяете моему вкусу.

Смутно припоминая, что княгиня считалась одной из самых элегантных женщин при дворе, я согласилась. Тем более, что выбора у меня все равно не было.

– Я приду завтра, если вы не против, – присела в реверансе княгиня.

– Буду очень рада, – искренне ответила я.

Я недолго оставалась одна. Появилась Катерина и осведомилась «угодно ли княгинюшке отобедать». Княгинюшке было угодно, потому что она внезапно ощутила просто зверский голод.

Потчевали меня солидным бифштеком с гарниром из жареной картошки, каким-то замысловатым десертом – взбитые сливки во фруктовом желе. Явно по рекомендации врача принесли и бокал красного вина. Один. И на том, как говорится, спасибо.

– О бифштеке сам государь-император лично распорядился, – доверительно поведала мне Катерина. – И подать вам в комнату отдельно тоже он изволил приказать. Остальные-то за общим столом щи кушают, да битки с гречневой кашей. Только десерт у всех один.

Н-да, царское угощение, ничего не скажешь! Щи и битки! А где, спрошу я жареные лебеди, огурцы, вареные в меду, трюфели, наконец?

Несколько дней спустя тайна скудости угощения и особого позволения принимать пищу в своих покоях была мною раскрыта.

Начав борьбу с екатерининскими порядками, Павел I проводил реформу не только в армии, но и при дворе. Так во дворце им были запрещены особые столы. Император потребовал, чтобы члены его семьи столовались только вместе с ним. Он лично нанял новый штат поваров, настоятельно рекомендовав им готовить пищу по возможности простую. Припасы для дворцовой кухни повелел закупать на городских рынках, возложив эту обязанность на поварскую команду и решительно изгнав «поставщиков стола Его Императорского Величества».

Щи, каша, жаркое, котлеты или битки – самые популярные блюда царского стола этого периода. Поразительное зрелище – простая гречневая каша с молоком в роскошной фарфоровой тарелке, поедаемая серебряными столовыми ложками.

Правда, была у Павла слабость, которая сводила «на нет» показной аскетизм: его стол роскошно оформлялся цветами и приборами самых изысканных видов и форм, изобилдовал вазами с фруктами и фантастическими десертами.

Во время обеда за столом стояла мертвая тишина, лишь изредка прерываемая репликами императора, да замечаниями воспитателя – графа Строганова. Порой, когда государь находился в замечательном расположении, к столу призывался и придворный шут «Иванушка», которому дозволялись самые смелые речи.

Обедали, как правило, в полдень (вставал император в пять утра). После вечерней прогулки во дворце бывало частное домашнее собрание, где хозяйка дома – императрица, сама разливала гостям и членам семейства чай, предлагала печенье и мед. Спать император ложился в восемь вечера и вслед за этим во всем городе гасли огни.

Но это все мне предстояло узнать, а в тот день я с удовольствием поела в одиночестве и с неменьшим удовольствием опустошила бокал вина, отдав должное десерту. Полдень, кстати, давным-давно миновал, когда я вышла в соседнюю комнату – будуар, соединенный

аркой с еще одной комнатой, надо полагать, гостиной. Изрядные у меня, оказывается, покои, не заблудиться бы тут с непривычки.

И в этих роскошных покоях я, как правило сидела одна? Читала книги, размышляла... о чем? Девушке еще двадцати не исполнилось, а она уже вела себя как пенсионерка с тридцатилетним стажем. Немудрено, что супруг начал откровенно поглядывать на сторону. С такой «веселушкой», да еще стыдливой сверх меры... Бедный Саша!

Но это-то как раз исправить легче всего. Я вернулась в спальню и позвала Катерину.

– Катюша, я не помню, где хранится мое белье. Рубашки, пеньюары и... прочее.

– Да в гардербной же, в комод, княгинюшка, – уже ничему не удивляясь ответила Катерина.

– Пойдем, посмотрим. Вечером обещал прийти Великий князь, нужно бы подобрать соответствующий туалет.

«Комод» оказался огромным шкафом с выдвижными ящиками. В нижней его части ровными рядами стояли туфли, ботинки, ботики, домашняя обувь. На две жизни после смерти хватит такого гардеробчика.

– Вот, княгинюшка, здесь ваши рубашечки для сна лежат, – сориентировала меня Катерина.

Батист, тонкое полотно, еще раз батист. Вырез под горло, длинные рукава... В таком прикиде хорошо в гроб ложиться, в крайнем случае, в больницу. Пеньюары были в таком же стиле, только халат из китайского шелка резко выделялся среди общей белоснежности.

– Это все?

Катерина поджала губы.

– Еще есть подарки великого князя, но вы сами велели их подальше убрать.

– А теперь велю достать.

Катерина молча полезла в недра «комода» и извлекла оттуда средних размеров сверток, обмотанный какой-то шалью. Я нетерпеливо избавилась от «упаковки» и ахнула. Добровольно отказаться от такой красоты... нет, это надо быть просто больной на всю голову.

Воздушная сорочка цвета чайной розы, почти без рукавов, украшенная по глубокому вырезу сказочной красоты вышивкой – тоже розы, но самых разных оттенков. По-видимому в комплекте прилагалось изящное negligé в тех же тонах, которое завязывалось пышным бантом у горла. Второй «ночной набор» представлял собой алую ночную сорочку, достаточно легкомысленного фасона, и пеньюар – на два тона темнее. Все это великолепие было щедро украшено лентами и жемчужинками. Хоть на бал!

– Так. На сегодняшнюю ночь приготовишь мне вот это.

Я указала на второй ночной наряд.

– К нему бы еще туфельки подобрать. Ночные.

– А они есть, княгинюшка. Сейчас достану.

Туфельки на небольшом каблучке были тоже алые, отороченные искусственными розовыми лепестками.

– Прекрасно. И позаботься, чтобы на ночь у кровати поставили вино и фрукты.

– Но вы же сказали, что сегодня придет его высочество...

– Правильно, сказала. По-твоему, я для себя стараюсь?

– Но когда его высочество вам это подарил, вы сказали, что так одеваются только куртизанки.

– Да? Ну, значит, очередную глупость сморозила. Я думаю, Катюша, что до болезни не очень-то умна была. Так что Господь все делает к лучшему.

Я быстренько скинула то, что на мне было надето и примерила «одеяние куртизанки». Из зеркала на меня глянула невероятно похорошевшая, обольстительная молодая женщина.

Ну, и кто мешал мне сразу воспользоваться подарком по назначению? Я бы уже минимум двоих детей родила.

– Княгинюшка, – раздался робкий голос Катерины, – тут вот на рубашечке, что вы скинуть изволили, пятнышко. Кажись, женские дела у вас начинаются.

Я чуть не выругалась вслух. Вот уж не ко времени. Но потом вспомнила, что в той, оставленной мною жизни, мой недолгосрочный муж, панически боявшийся, что я забеременею, проштудировал массу книг о возможных днях зачатия и, соответственно, безопасных днях. Меня он тоже приобщил к этому делу. Зачатия мы благополучно избежали, но в памяти многое сохранилось. Например то, что первый день (или ночь) недомогания – самый удачный для зачатия мальчика. Хотите верьте, хотите – нет.

– Приготовь к завтрашнему дню все, что полагается, – приказала я, не имея ни малейшего понятия, как в конце восемнадцатого века вели себя женщины в критические дни. – Сегодня еще обойдется.

– Может, доложить великому князю, что вы нездоровы?

Так... Похоже у куклы, в чье тело я вломилась, то голова болела, то дни были неподходящими, то настроение. Иначе откуда у Катерины такая уверенность, что нужно непременно и немедленно доложить? Ох, Елизавета Алексеевна, княгиня великая, сдастся мне, вы на девяносто процентов сами были виноваты в своих страданиях.

– Катюша, я умею ездить верхом?

Та со вчерашнего дня уже не удивлялась никаким вопросам.

– А как же! Только не любите вы это дело, княгинюшка, все время на нездоровье или слабость ссылаетесь. Государь император из-за этого наемдни даже гневаться изволил, когда вы отказались от прогулки в Гатчину. Ну, а государыня-императрица – тем паче, все твердила, что покойная императрица выбрала великому князю в жены какую-то инвалидку. Тронь – распылится, изволила кричать. Насилу успокоили, а потом вы заболели...

Теперь понятно, почему дорогая свекровь меня не навещает. Гневаться изволит. С немецкой принцессой у нее, может, и получалось – гневаться, а вот с русской обыкновенной женщиной – вряд ли.хлопотно это, я же не голубых кровей, могу и в ответ рассердиться.

Катерина отправилась распорядиться насчет чая, поскольку аппетит у меня по-прежнему был зверским, а обед давно переварился. Я же подседа к туалетному столику в спальне, чтобы провести еще одну ревизию.

Подзеркальник был сплошь уставлен флаконами, флакончиками, баночками и коробочками. Я осмотрела их все и обнаружила, что большая часть была даже нераспечатанной. Интересное кино. Отвинтила пробку у одного из затейливых флакончиков, выточенного из какого-то полупрозрачного камня, понюхала... Тончайший аромат сандала и еще чего-то восточного. Как раз то, что нужно на сегодняшний вечер.

Второй флакон был раскупорен и источал слабенький запах лаванды. Судя по его расположению на столике, это были постоянно используемые Елизаветой духи. Ну, и что она хотела этим выразить? Невинность и чистоту? Для пятнадцатилетней девушки – в самый раз, для замужней взрослой женщины – никуда не годится. Манера поведения великой княгини в личной жизни мне нравилась все меньше и меньше.

Катерина принесла поднос с чайным прибором. За ней лакей внес поднос побольше – с плюшками, вареньем и еще Бог знает чем.

– Дозвольте доложить, ваше императорское высочество, – сказал он, – к вам его светлость князь Чарторыжский.

– Скажи, что я никого не принимаю, – равнодушно ответила я. – И еще скажи, чтобы князь больше меня не беспокоил визитами. Вообще.

Ну, вторую фразу вышколенный лакей вряд ли передаст. Но не высказывать же самой из покоев в неглиже и не посылать князя по известному на Руси адресу. Не комильфо получится.

Но до чего настойчив! Немудрено, что эта застенчивая козочка пасовала перед таким напором, а потом по дворцу кругами расходились сплетни. Голову даю на отсечение, что сам же князь их и распространял. Для повышения самооценки и для того, чтобы максимально отдалить от меня Александра. А вот фигурки, ваша светлость. Поправлюсь, поеду на первую же конную прогулку с государем-императором и попрошу его лично послать этого князя... куда бы его определить?

А, пусть император сам решает. Теперь я буду прилагать максимальные усилия для того, чтобы отдалить князя от Александра. Из прочитанных книг я знала, что император Павел в принципе не любил поляков и не доверял им. Так что он меня поддержит. А мне нужно осмотреться, определиться на местности и создать собственный салон. С умными мужчинами и красивыми женщинами. Чтобы супруга тянуло туда, а не на сторону.

Наверное, прежде всего, нужно будет завязать (или продолжить?) дружеские отношения с супругой великого князя Константина Анной. Где-то я читала, что брат моего мужа так ревновал свою нелюбимую (!) супругу, что даже запрещал ей покидать собственные комнаты. Слишком уж красива, даже получила в обществе прозвище «вечерняя звезда». А две красивых великих княгини в одном салоне, да еще если обе не законченные дуры... Интересно может получиться.

– Катюша. Почему тут половина баночек и флаконов не распечатано? – осведомилась я. – Или просто для красоты стоят?

– Ох, княгинюшка, опять вы забыть изволили. Не любили вы перед зеркалом сидеть, мазаться, да духами брызгаться. Только перед большими выходами чуть-чуть припудривались и лавандовой водой за ушками душили. Изволили говорить, что не желаете подражать императрице и раскрашивать себя, как... ну эту... как ее?

– Шлюху, – подсказала я.

Бедняжка Катерина чуть не задохнулась от неожиданности.

– Княгинюшка, да как у вас язык-то повернулся такое сказать?!

– Легко, – засмеялась я. – Уверена, что государыня-императрица тоже такими выражениями пользуется.

– Она-то, может, и нет, – задумчиво отозвалась Катерина, а вот государь... Как разгневаается, так и кроет всех с большой-то матери.

Определенно, наш человек!

Я с удовольствием пила чай и закусывала крошечными воздушными пирожными. Со взбитыми сливками. Похоже этот продукт пользуется при дворе большим уважением.

– Катюша, а где мои драгоценности?

Глаза у моей камеристки опять стали круглыми.

– Княгинюшка, так вы сами приказали убрать подальше. Оставили только самое простенькое – для выходов. Эти украшения в ящичке лежат, в туалетном столике слева.

– Хорошо, я посмотрю. А ты пока достань все остальное.

В левом ящичке действительно лежала простенькая серебряная диадема, украшенная мелким жемчугом, пара скромных серебряных браслетов и – высшая роскошь! – нитка жемчуга. Ох, перехлестывала Елизавета Алексеевна в скромности, такие «драгоценности» в пору носить провинциальной дворяночке какой-нибудь. Из мелкопоместных.

Катерина поставила передо мной очень красивый средних размеров ларец. Определить, из какого дерева он сделан, я не смогла. Так же, как не смогла и открыть его – ключа не было.

– А где ключ? – осведомилась я.

– У вас, княгинюшка, в потаенном месте запрятан.

Приплыли... Что я знаю о тайниках моей предшественницы? Да ничего.

– Но ты же знаешь это потаенное место.

Катерина энергично замотала головой.

– Катюша, не серди меня. Быть того не может, чтобы самый близкий ко мне человек не знал, где ключ от ларца.

– Может быть, за божницей, – не слишком уверенно предположила Катерина.

Похоже, действительно не в курсе.

– Так посмотри.

Катерина влезла на стул, пошарила за иконостасом и сокрушенно развела руками:

– Нет здесь ничего, княгинюшка.

Н-да... Оставалось надеяться, что хотя бы Александр знает, где ключ от сокровищницы супруги. Подождем, он уже скоро должен появиться.

Оставшееся время я провела в будуаре за изучением библиотеки великой княгини. Серьезная девушка, ничего не скажешь. Романов практически не наблюдалось, основные книги были по философии плюс все сочинения французских энциклопедистов. Из русских – несколько стихотворений Жуковского и тоненькая книжечка Карамзина. Я взяла в руки один из богато украшенных вензелями листков за подписью Жуковского и прочитала:

«Амур и Психея»

Амуру вздумалось Психею,

Резвяся, поимать,

Опутаться цветами с нею

И узел завязать.

Прекрасна пленница краснеет

И рвется от него,

А он как будто бы робеет

От случая сего.

Она зовет своих подружек,

Чтоб узел развязать,

И он – своих крылатых служек,

Чтоб помочь им подать.

Приятность, младость к ним стремятся

И им служить хотят;

Но узники не суетятся,

Как вкопаны стоят.

Да, расстарался к свадьбе Василий Андреевич. Надо полагать, бурные аплодисменты сорвал. Хотя смысл стихотворения, в общем-то, туманен. То ли молодые хотят быть вместе, то ли рвутся друг от друга. Великое все-таки дело – поэтический дар. Помимо собственной воли прозрел корень ситуации: новобрачные понятия не имели, что им делать друг с другом. Дети еще, в общем-то были. Ох, кажется, моя предшественница так ребенком и осталась.

Мои размышления были прерваны Катериной.

– Великий князь прислали сказать, что через полчаса будут. К ужину. Прикажете помочь переодеться.

Я кивнула.

– Да, принеси мне в спальню тот подарок великого князя. Алый. И туфли, конечно. А потом поможешь мне причесаться.

– Неужто вы это и впрямь наденете? – ужаснулась Катерина.

– Ну, надо же показать мужу, что я ценю его подарки, – усмехнулась я. – Расчеши мне волосы и перехвати лентой. Найди только в цвет туалета.

Ну, Елизавета, твой первый выход!

Глава пятая. Романтическая

Александр явился ровно через полчаса. Смешно сказать, но я волновалась, как невинная девушка перед первой брачной ночью. Десять раз проверила, достаточно ли пышно и изящно разбросаны по плечам мои локоны, перехваченные бледно-розовой лентой с перламутровым отливом, не слишком ли откровенен глубокий вырез у сорочки и так далее. То есть бестолково суетилась.

Когда я взяла флакон с опальными доселе духами и по спальне поплыл терпкий восточный аромат, Катерина отвернувшись явно сплюнула и перекрестилась.

– Чисто веселый дом, прости Господи, – пробормотала она.

– Значит, будем веселиться, – жизнерадостно отозвалась я. – Вино и фрукты принесли?

– Все, как вы изволили приказать.

– И последи там, чтобы нас до утра не беспокоили...

В ответ мне прозвучал скептический смешок:

– Я-то прослежу, мне не трудно, только великий князь от вас завсегда через пару часов уходили и николи до утра не оставались.

Очень интересное сообщение. Была во всем этом какая-то загадка, разгадать которую мне пока не удавалось. Но как-то все это было связано со сверхскромностью моей донорши.

– Все когда-то бывает впервые, – заметила я. – Уйдет – значит уйдет, я не помню, как у нас все происходило.

– Плакали вы всегда, княгинюшка, после ухода великого князя.

Опаньки! Час от часу не легче. Бил меня супруг, что ли? По примеру своего младшего братца. Может, это у них семейная традиция – жен до слез доводить.

Мои глубокомысленные размышления прервал негромкий стук в дверь и голос лакея, возвестившего:

– Его императорское высочество великий князь Александр Павлович!

Ну – с Богом!

Александр вошел с напряженным выражением не слишком веселого лица. Словно к начальству за неизбежным выговором. Но это напряжение мгновенно сменилось изумлением, когда я бросилась ему на шею и прошептала:

– Я так ждала тебя, милый.

Не ответить на мой страстный поцелуй мог только каменный истукан, а Александр был явно живым человеком. Но поцелуй не может длиться вечно, и когда мы, так сказать, разомкнули наши уста, я увидела в глазах мужа огромное, ни с чем несравнимое изумление.

– Лизонька... Как ты переменялась!

– Тебе не нравится? – непритворно озаботилась я.

– Да что ты! Как такое может не нравится? Но я вижу, что ты, наконец, оценила мои подарки...

– Прости меня, Сашенька, я была такой глупой. Но мне с детства внушали, что элегантные женщины должны одеваться неброско.

– Но не в спальне же!

– Но об этом мне никто не говорил. Хочешь вина? Я приказала.

Новый всплеск изумления в больших голубых глазах.

– Конечно... с удовольствием. Только если и ты выпьешь вместе со мной.

– По-моему на столе – два бокала, – не удержалась я от легкого ехидства.

– Но раньше ты всегда отказывалась...

– А теперь соглашаюсь. Считай, что у меня осложнение после болезни.

Александр расхохотался и подойдя к столу, разлил вино по хрустальным бокалам. Дивной, надо сказать работы. Потом сел в одно из кресел и вопросительно взглянул на меня. Вопросы я не поняла. Пришлось ему озвучивать проблему:

– Сядешь ко мне на колени?

– Конечно!

Я с комфортом устроилась на предложенном мне месте и потерлась щекой о подбородок мужа.

– Сашенька, давай начнем все сначала.

– То есть?

– Ну, как бы мы только сегодня обвенчались. И у нас первая брачная ночь.

Его глаза приняли какое-то странное выражение, понять которое я так и не смогла. Тем не менее мое предложение он вроде бы поддержал: подал мне бокал, взял себе другой и легонько прикоснулся краешком к моему.

– За любовь, Лизонька.

– За нашу любовь, – уточнила я и пригубила густое, сладкое вино с пряностями.

Александр же осушил свой бокал почти мгновенно и налил себе еще.

– Выпей же, милая, – нежно сказал он, – за любовь надобно до дна пить.

И я послушалась. Как выяснилось, не зря.

По телу сразу же разлилось приятное тепло, голова слегка закружилась, я теснее прижалась к мужу и все смелее отвечала на его ласки и поцелуи. Не помню точно, как мы оказались в постели и очнулась лишь на мгновение, испытав короткую резкую боль.

– А-а, – простонала я, скорее от неожиданности, чем от тут же исчезнувшего неприятного ощущения.

– Наконец-то, – услышала я счастливый вздох мужа и поплыла в волнах удовольствия, которое становилось все острее и острее.

Пика наслаждения мы достигли вместе и одновременно сорвались с него в безграничное блаженство. За всю свою прежнюю взрослую жизнь я ничего подобного не испытывала. Лежала в сладкой истоме, точнее, в нежных и крепких объятиях своего мужа и рассеянно думала о том, почему же во всех книгах было написано о холодных отношениях между Елизаветой и Александром. Чуть ли какая-то!

– Тебе больше не больно? – услышала я его шепот.

– А должно быть? – изумилась я. – Да, в какой-то момент кольнуло, но тут же прошло.

– Слава всевышнему! Наконец-то наш брак стал настоящим браком.

И до меня ДОШЛО. Я только что потеряла девственность в объятиях законного супруга, которого, судя по всему, много лет просто не подпускала к себе. Почему? Из скромности? Из страха, вынесенного из чьих-то рассказов? Пролить хоть какой-то свет на всю эту нелепицу мне мог помочь только Александр... и то маловероятно.

– Я люблю тебя, – сказала я тихо. – И с самой нашей свадьбы любила. Но теперь я не могу вспомнить, почему до сих пор не стала твоей женой по-настоящему.

– Насколько я могу судить, из-за полученного тобой воспитания, – усмехнулся Александр.

Он встал и совершенно обнаженный отправился за вином и фруктами, которые мы так и оставили на столике у окна. Краем глаза покосился на меня, выясняя реакцию на такое бесстыдство. Но я только сладко, по-кошачьи потянувшись, не сделав ни малейшей попытки прикрыть собственную наготу.

– Выпьем за наш свершившийся брак, – протянул мне Александр наполненный бокал.

Сам он уютно устроился возле моих колен на постели, а вазу фрукты определил на прикроватный столик.

– За нас с тобой, – добавила я.

Вино на сей раз показалось мне еще вкуснее, чем в первый.

– Так что там было не так с моим воспитанием? – поинтересовалась я, устраиваясь поудобнее.

– Ну, посуди сама. Я прихожу к тебе в спальню, ты лежишь, до подбородка закутанная в одеяло и с зажмуренными глазами. Кое-как снимаю одеяло и вижу...

– Прекрасную, юную девушку, – подсказала я.

– Возможно. Но на голове у девушки чепчик, крепко завязанный под подбородком, а сама девушка упакована в ночную рубашку, напоминающую монашескую рясу, только белую. Даже кисти рук спрятаны в рукава.

– А ты тогда еще не умел раздевать женщин? – поддела я.

– Может, и не очень умел, – покладисто согласился Александр, – у меня и была-то всего одна любовница. Бабушка-императрица, царствие ей небесное, приставила ко мне одну из своих статс-дам помоложе, чтобы обучила, так сказать, основам. Но та раздевалась сама, да и меня, что уж греха таить, раздевала заодно. И дальше вся инициатива исходила от нее.

– Молодец твоя бабушка, – искренне сказала я. – Жаль, что она мне парочку-другую наставлений не дала.

– Наверное, полагала, что это сделала твоя мать, – пожал плечами Александр.

– Судя по тому, что ты рассказываешь, наставления были те еще. Ну, так попросил бы меня саму раздеться.

– Как только я к тебе приближался, ты начинала плакать и дрожать.

– Господи, какая дура!

– Один раз я все-таки почти достиг желаемого, но ты стала кричать – то ли от боли, то ли от страха.

Я только вздохнула. Подумать только, не появившись я в теле этой слишком хорошо воспитанной немецкой принцессы, брак так и остался бы фиктивным. Хотя... через семь лет после свадьбы я все-таки родила дочь. То ли Александр проявил решимость, то ли все-таки слухи о князе Чарорыжском – правда. Но теперь-то этим слухам будет положен конец раз и навсегда. Во всяком случае, муж больше ни одной сплетне обо мне и князе не поверит.

– Но сегодня я был просто поражен: передо мной была совершенно незнакомая женщина с твоим лицом и телом...

Знал бы ты, насколько прав, дружок!

– Не было бы счастья, да несчастье помогло, – заметила я, делая еще один глоток вина. – Полагаю, это у меня осложнение после болезни.

– Благодарю Всевышнего за такое «осложнение»!

– Продолжим? – уже совсем нахально предложила я.

Александр расхохотался.

– По-моему, ты еще и впервые в жизни напилась, любимая. Нет, на сегодня достаточно, ты еще новичок. Пусть ранка подживет, а через пару дней...

– У тебя такой большой опыт общения с девственницами? – съязвила я.

– Да мне Костя постоянно о своих похождениях рассказывает, – смутился Александр. – Он ведь ни одной юбки не пропускает.

– Слушая, но если у нас первая брачная ночь случилась только сегодня, то как ты выходил из положения сразу после свадьбы? Там, кажется, доказательства невинности новобрачной надо предъявлять? А они только сегодня появились.

– А очень просто. Порезал себе слегка палец и испачкал простыни. Бабушку такая ерунда не интересовала, а родителям вообще было все равно.

– Кстати о них. Почему меня не жалуют твои пре... батюшка с матушкой?

– Отец сердится, что до сих пор не обзавелись наследником, а маменька... Не знаю, наверное, потому, что ты красивее ее и моложе, а главное – потому, что тебя выбрала бабушка, а с ней даже не посоветовалась. У Константина, кстати, та же история.

Про себя я подумала, что великая Екатерина поступила не слишком умно: с родителями своего обожаемого внука нужно было посоветоваться хотя бы для соблюдения приличий. Но меня, судя по всему, тоже никто не спрашивал, равно как и Александра.

Впрочем, тема отношений свекрови и невестки, похоже, вечная. Моя мимолетная свекровь в оставленном мною будущем тоже не пылала ко мне нежными чувствами, считая, что я недостойна ее единственного сыночка. Всюду единообразие...

– У тебя глазки слипаются, милая, – нежно заметил Александр. – Давай-ка поспим.

– Я засну, а ты уйдешь? – вскинулась я.

– Нет, – засмеялся Александр, – от такой женщины точно не уйду. Позавтракаем вместе, а потом у меня дела.

– Важные?

– Очень. Нужно будет присутствовать на совещании государя императора по вопросу о внешней политике.

Видимо, на моем лице четко выразилось недоумение, потому что Александр счел нужным пояснить:

– Папенька желает, чтобы я в совершенстве овладел искусством управлять государством.

Легкая ирония в его голосе от меня не ускользнула, но комментировать это я не стала.

– Значит, позавтракаем вместе, – сонно пробормотала я, поуютнее устраиваясь в объятиях мужа. – Это мне очень нравится, позавтракать вмес...

Это было последнее, что мне запомнилось, потому что я почти мгновенно провалилась в глубокий сон практически без сновидений. Что, должна заметить, нехарактерно: сны я вижу почти всегда. Причем цветные, многосерийные и чуть ли не в 3D-формате.

А вот просыпалась я постепенно. Сначала сознание вяло отметило, что я в постели не одна. Потом чуть более живо – что я в постели с любимым мужем и накануне у нас произошло нечто эпохальное. И только потом я открыла глаза и встретила внимательный и ласковый взгляд Александра, устремленный на меня.

– Ты давно проснулся? – только и нашла я, что спросить.

– Совсем недавно. Любовался тобой: ты спишь, как маленький ребенок. Так забавно губками причмокиваешь.

– Я за собой прослежу, – засмеялась я. – Непорядок, в самом деле: почтенная замужняя дама – чмокает, как младенец.

– Как ты себя чувствуешь?

– Превосходно. Сейчас бы чашечку кофе со сливками...

– Весьма скромное желание. И полностью совпадает с моим.

Александр дернул за витой шнур, висевший около кровати, и через несколько минут в комнате появилась Катерина. На лице ее было написано даже не удивление – оторопь. Великий князь утром в постели великой княгини! Светопреставление.

– Катюша, кофейку нам с бисквитами. Мне кофе со сливками. А вам, ваше высочество?

Я почувствовала, что обращение к Александру на «ты» добьет мою камеристку окончательно.

– Мне тоже. Только чашку побольше и кофе покрепче.

– Слушаюсь, ваше высочество.

Катерина отправилась за кофе все с тем же ошарашенным выражением лица, а мы с супругом выбрались из кровати и кое-как облачились в negligé. Для меня это было проще, а Александр явно не привык одеваться самостоятельно.

На постели я заметила средних размеров красное пятно и неожиданно для себя покраснела. И тут же оказалась в объятиях мужа, а потом – и у него на руках.

– Ты подарила мне сегодня ночью огромную радость, Лизонька. Не знаю, как я вытерплю два дня, точнее, две ночи без тебя.

– Ну, это же всего два дня, – легкомысленно заметила я. – Поправлюсь окончательно и мы все наверстаем. Кстати, сколько я болела?

– Три недели... Я чуть с ума не сошел. Врачи ничего хорошего не обещали, а родители уже стали заводить разговоры о новой жене для меня.

Тема меня неподдельно заинтересовала.

– Давай сядем, позавтракаем, а ты мне расскажешь. И о том, как я болела, и о том, что было до болезни.

– Ну, до болезни много чего было. Хотя я многого и не знаю. Ты забила в свои покои, как мышка в норку, только на общих трапезах и появлялась, да и то не всегда – ссылалась на недомогание. Маменька ворчала, что бабушка подобрала какую-то завалящую супруга для наследника престола, папенька больше о продолжении рода горевал.

– А что за сплетни о князе Чарторыжском?

– Да я вас познакомил, думал, он тебя развлечет. Он мой друг, я был в нем абсолютно уверен, как и в тебе, кстати. А сплетни поползли...

– Да уж, – заметила я, – отпивая глоток вкуснейшего кофе с густыми сливками. Моя Катерина говорит, что сам князь их и распространял.

– То есть? – опешил Александр.

– То есть рассказывал направо и налево, что я вешаюсь ему на шею, а он, как благородный человек, не может обидеть женщину.

Александр побагровел:

– Неужели Адам оказался способен...

– Можешь не сомневаться. Придворные сплетни нужно сразу делить на десять, а вот то, о чем становится известно прислуге, обычно – чистая правда. Саша, а нельзя сделать так, чтобы я с этим твоим польским другом больше не общалась? Совсем.

– Можно, – неожиданно легко согласился Александр. – Папеньке тоже очень не нравится наша дружба, он давно собирался отправить князя куда-нибудь за границу.

– А почему бы просто не предложить ему вернуться на родину?

– Просто не получится. Адам в 1792 году принял участие в военных действиях против русских, а когда поляки потерпели поражение эмигрировал в Англию. Потом до него дошли вести о восстании Костюшки, он тут же рванулся на родину, но в Брюсселе, по распоряжению австрийских властей, был арестован.

– Как же он оказался в России? Да еще стал твоим другом?

– Это все бабушка. Имена Чарторыйских она конфисковала, но обещала возвратить их Адаму и его брату, если они будут присланы к ее двору как бы в качестве заложников. В 1795 году они отправились в Петербург. Ну, а там как-то само собой все получилось. Брат Адама вернулся в Польшу присматривать за именьями, а Адам предпочел остаться в Петербурге.

– Ну, столько времени прошло... Можно простить старые грехи и отправить на родину – помогать брату хозяйничать.

– Он тебе настолько неприятен?

– Не то слово.

– Хорошо, я поговорю с батюшкой. Кстати, мне сегодня крепко влетит от него: на утренний развод караулов я безнадежно опоздал. Ладно, не в первый раз выговоры получать.

Вот ведь правильно говорят, что ночная кукушка дневную всегда перекукует. Одна ночь любви – и крепкая мужская дружба побоку. Или... Александром так легко манипулировать?

– Сегодня приедет княгиня Варвара Николаевна, – дипломатично перевела я разговор на другую тему. – Хочу пересмотреть свой гардероб. Какой-то он скучный, по-моему. Княгиня заказала новые платья, привезет.

– Нет, ты решительно стала другим человеком, – заметил Александр. – Может быть, и фрейлин своих вернешь?

– А куда они делись?

– А ты от них отказалась. Тебе с ними было не о чем говорить и они тебя утомляли.

– Глупость какая, – пожала я плечами. – Могли бы вместе рукодельничать или музицировать. Вечер танцев устроить, наконец.

– А кавалеров приглашать будете?

– А вот уж это, супруг мой, твоя забота. Ты заранее приглашен на все мои вечера, а если хочешь вечер с кавалерами – выбирай и приглашай их сам. Только уж не совсем дураков.

Александр расхохотался.

– Лизонька, ты неподражаема! Где же я тебе при дворе умных сыщу?

– А ты постарайся, – нежно посоветовала я. – Да, ты не договорил о той новой жене, которую тебе прочили.

– Ты не поверишь, – поморщился Александр, – маменька настаивал на том, чтобы моей супругой стала младшая дочь английского короля принцесса Амелия. По происхождению она была самой знатной из невест Европы.

– А его величество?

– А его величество требовал, чтобы невесту выбрали из какой-нибудь германской семьи, известной своей плодовитостью. Как маменька. Пока они спорили, ты поправились, а у Амелии нашли признаки чахотки.

– Бедняжка. Мало ей полусумасшедшего отца и деспотичной матери...

Александр внимательно посмотрел на меня.

– У тебя какие-то странные провалы в памяти, Лиз. То, что было с тобой или со мной – ты не помнишь, а о положении в британской королевской семье прекрасно осведомлена.

Я пожала плечами:

– Сама удивляюсь. Кстати, хорошо, что ты об этом заговорил: я забыла, где ключ от моего ларца с драгоценностями.

– Да, – улыбнулся Александр, – это действительно серьезно. Хорошо, что мы с тобой поклялись не иметь друг от друга тайн.

– Так ты знаешь?

– Конечно. В голубой вазе на камине.

Я тут же подбежала к камину и достала злополучный ключ.

– Зачем он тебе вдруг понадобился? – поинтересовался Александр.

– Захотелось примерить свои драгоценности.

– Ты же пару лет тому назад заявила, что носить роскошные украшения – грех, и заперла их в ларец. Оставила что-то совсем неприметное.

– Вот именно – неприметное. А теперь собираюсь блистать при дворе.

– С чего это вдруг?

– Каприз, – с милой улыбкой ответила я. – Я молода, недурна собой, здорова, так зачем же запираюсь в четырех стенах, да еще одеваться, как монастырская пансионерка?

Александр только головой покачал.

– Я зайду сегодня вечером, любовь моя, покажешь мне, насколько преуспела в своих начинаниях. Закажи ужин на двоих. А сейчас мне, увы, пора.

– Государственные дела?

– Разумеется.

– Тогда распорядись, чтобы вернули моих фрейлин.

– Если время останется, – улыбнулся Александр. – Дела действительно серьезные. К государю обратились представители Австрии и Англии с просьбой помочь в войне с Францией. Сегодня вопрос о помощи должен решиться.

– Я бы отказала, – пробормотала я.

– Что?

– Нет, пустяки, поток сознания.

Александр расцеловал меня и удалился. А я напрягла память: не к этому ли периоду относился знаменитый переход Суворова через Альпы? Кажется, к этому. Русские войска одержали победу, а австрийцы преспокойно остались стоять в стороне. Александру Васильевичу с немалыми трудами удалось вернуться в Россию.

Да и Англия тоже показала себя не с лучшей стороны. В общем, Павел вышел из антифранцузской коалиции и начал переговоры с первым консулом революционной Франции – Бонапартом. Чем сильно приблизил свою безвременную кончину.

От размышлений о политике меня оторвала Катерина.

– Княгинюшка, графиня Головина пожаловали. Прикажете принять?

– Конечно, зови! – воскликнула я. – И пусть нам принесут свежего кофе.

Варвара Николаевна после традиционного реверанса заявила:

– Я не одна, Лиз. О, не пугайтесь – это всего лишь две модистки, образцы материй и рисунки новых туалетов. Два платья я привезла, но их нужно примерить и подогнать по фигуре.

– Вы ангел, Барб!

В этот момент графини заметила, во что я одета, и широко раскрыла глаза:

– А вы, Лиз, вы... просто обольстительное райское видение.

– Вот и великий князь того же мнения, – рассмеялась я.

Глаза графини стали еще шире:

– Вы... помирились?

– А мы не ссорились. Просто я была слишком молода и глупа. Пусть я из-за болезни потеряла память, зато, кажется, обрела здравый смысл.

– Похоже на то, – пробормотала Головина. – Я позову модисток, с вашего позволения.

– Конечно.

В течение следующих двух часов (не меньше) я была занята, во-первых, примеркою двух готовых платьев, сшитых по заказу Варвары Николаевны. Одно из них – из тонкого синего атласа и с голубой лентой под грудью, украшенной букетиком искусственных фиалок, сидело на мне, как влитое, и прекрасно гармонировало с цветом глаз. Даже переделок никаких не потребовалось.

– Сюда нужны сапфиры, – предложила графиня – и синюю ленту в волосы.

Я не спорила. Только не была уверена, есть ли в моем ларце сапфиры. Ну, ничего, в крайнем случае, попрошу мужа подарить мне синие камушки.

Второй платье было золотисто—соломенного цвета и замечательно оттеняло мои волосы. К нему полагалась золотая лента и, соответственно брошь. Модистки привезли с собой еще множество чудесных шалей, шляпок, перьев. У меня просто глаза разбежались.

– Что вы посоветуете мне надеть завтра, Барб? У меня первый после болезни совместный семейный обед.

– Вот это синее платье, – не задумываясь, ответила та. – Скромно, элегантно, только украшения подобрать...

– Попробуем... – пробормотала я, доставая заветный ключ от ларца. – Заодно вспомню, что у меня вообще есть.

Крышка ларца легко откинулась, и я невольно зажмурилась от брызнувшего оттуда разноцветного сияния. И вот эту красоту скромница-Елизавета отказывалась носить? Сколько же тараканов было в этой прелестной головке, если к двадцати годам они так разгулялись?

Более привычная к драгоценностям, графиня довольно быстро нашла в этом сияющем великолепии нужное.

– Вот. Бриллиантовые сережки-капельки и сапфировая подвеска. То, что нужно, для семейного обеда.

Конечно. Какой же может быть скромный семейный обед без бриллиантовых серег и сапфировых кулонов? Никакая еда в горло не полезет.

– Расскажите мне об императрице, Барб, – попросила я, когда модистки, наконец, удалились и мы остались вдвоем пить кофе. – Что у нас с ней не так?

– То же, что и со мной, – грустно ответила Варвара Николаевна. – Покойная императрица Екатерина обожала вас и была очень расположена ко мне. А Мария Федоровна крайне ревнива, и не терпит, чтобы кого-то любили и уважали помимо нее. К тому же эта прошлогодняя история с замужеством вашей сестры...

Ну, эту историю я помнила сама – читала в свое время. Императрица Екатерина в свое время, за несколько месяцев до смерти, затеяла выдать свою старшую внучку Александру за шведского короля, хотя невесте только-только исполнилось тринадцать лет. Но дело было даже не в этом, а в том, что императрица категорически настаивала на переход шведского короля в православие, что было, разумеется, невозможно. Хотя король, плененный очаровательной русской принцессой, первоначально и соглашался на все. Но потом решительно вмешались его советники.

Брак не состоялся. Екатерина перенесла первый апоплексический удар (второй оказался смертельным), принцесса Александра ходила грустной и заплаканной. С моей точки зрения, совершенно напрасно. Миловидная, с огромными карими глазами и слегка выющимися пепельно-русыми волосами, она не считалась роковой красавицей, но все отмечали в ней особую, чарующую, пленительность движений, манер, голоса, походки. Дарования ее в изящных искусствах были разнообразны: она прекрасно рисовала и лепила из воска (как и ее мать), очень хорошо играла и пела, могла переводить с нескольких языков. Два ее перевода с французского были даже напечатаны в сборнике «Музы» в 1796 году.

Такое сокровище русской короны могло украсить собою любой европейский трон. Но спустя несколько лет после разрыва помолвки, ее несостоявшийся муж, шведский король, не нашел ничего лучшего, как жениться на принцессе Баденской Фредерике, то есть младшей сестре Елизаветы Алексеевны. Об этом решении он уведомил и императора Павла, передав ему письмо через посла Стединга. Принцесса Амалия пыталась уверить русский двор, что это обручение произошло без каких-либо интриг баденского дома:

Гнев Марии Федоровны был ужасен: мне повезло, что я не попала в тело ее невестки в тот злосчастный период: она даже обвиняла великую княгиню Елизавету Алексеевну в расстройстве помолвки великой княжны и устройстве брака сестры. Но что она так бесилась – не понимаю.

Шведский король был малоприятной личностью: медлительным, малообщительным и высокомерным. Убийство его отца сделало его подозрительным и мрачным. Его идеалом была неограниченная власть, а страстью – всеобщая униформа и муштра.

В 1795 году Густав Адольф был обручен с принцессой Луизой Шарлоттой Мекленбург-Шверинской, но в 1796 году под нажимом Екатерины II помолвка была расторгнута, и король отправился в Петербург, чтобы обвенчаться с внучкой императрицы Александрой. Чем это закончилось – известно.

Но я знала и то, что оставалось неведомым большинству моих нынешних современников: жизнь шведской королевы Фредерики была отнюдь не сладкой. После того, как она родила

мужу шестерых детей, король развелся с нею, как бы сейчас сказали, «из-за несходства характеров». А потом был свергнут с трона, а его потомство лишилось права наследовать ему. И такой судьбы императрица Александра Федоровна желала бы своей старшей дочери?

Впрочем, в настоящее время, как мне сообщила графиня Головина, шли переговоры о новом браке великой княгини Александры. Императору Павлу и императрице Марии Феодоровне поступило предложение от австрийского двора о возможном заключении брака великой княжны Александры и эрцгерцога Иосифа, Палатина Венгерского, брата австрийского императора.

Переговоры велись тихо и скромно. Но в ближайшее время ожидался приезд в Петербург самого жениха – эрцгерцога Иосифа, Палатина Венгерского, который намеревался лично просить руки нареченной невесты.

Мне стало грустно. Историю короткой жизни Палатины венгерской Александры я читала. И помочь ей избежать издевательств со стороны свекрови – австрийской императрицы – и смерти от родов никак не могла. Тем более что предполагаемый жених был вполне приличным человеком.

Вот как вспоминали о нем современники:

«Эрцгерцог всем отменно полюбился, как своим умом так и знаниями. Он застенчив, неловок, но фигуру имеет приятную. Выговор его более итальянский, чем немецкий...»

Он влюбился в Великую княжну, и в воскресенье имеет быть комнатный сговор, после коего он на 10 дней отправится в Вену, а оттуда – к армии, в Италию, коею он командовать будет.

– О чем вы так глубоко задумались, Лиз? – услышала я голос графини Шуваловой.

– О том, что завтра мне предстоит выходить к общему столу. А я, хоть убейте меня, помню только то, что во время трапезы надлежит хранить молчание и открывать рот только если государь-император изволит вопрос задать.

– Все правильно. Отвечая на вопрос, обращайтесь к нему «папенька» и будьте по возможности кратки. Впрочем, с женщинами он всегда любезен, недаром его называют императором-рыцарем.

– Постараюсь соответствовать, – вздохнула я. – Но, входя в столовую, должна же я как-то поприветствовать присутствующих.

– Государь и государыня обычно приходят последними и присутствующие молча кланяются им, а затем император жестом предлагает всем занять свои места.

– Барб, я очень боюсь допустить какой-нибудь промах.

– Его спишут на последствия вашего недомогания. Будьте сама собой – и все пройдет отлично.

– Вашими бы устами, – вздохнула я.

Графиня попросила позволения удалиться – у нее были еще дела. Задерживать ее я, разумеется, не стала: мне надлежало приготовиться к завтрашнему дню, да и к сегодняшнему вечеру тоже. Традиционное недомогание не добавляло оптимизма: в том веке, из которого я так неосмотрительно вылетела, с гигиеническими средствами проблем не было. Правда, тут была Катерина.

– И-и, княгинюшка, у вас завсегда так: первый день – капля, второй – река полноводная, а на третий все заканчивается. Другие-то по неделе страдают. Сейчас помогу вам бинты сменить, да омовение совершить.

Ну, так жить было еще можно. Чтобы провести время до вечера я, после калорийного и полезного для болящих обеда, принялась за ревизию своего секретера – чрезвычайно изящного произведения мебельного искусства, который стоял у меня в будуаре. Откинув крышку,

я обнаружила за ней множество ящичков и отделений, а также золотой письменный прибор и бювар с бумагой небесно-голубого цвета. Перья, разумеется, были лебединые.

И тут меня прошиб холодный пот. А что если я прихватила с собой еще и почерк? Образчик почерка Елизаветы Алексеевны был передо мной: незавершенной письмо к матери. Которое было написано по-немецки, очень изящным мелким почерком, и которое я, к своему изумлению, легко и свободно прочла, лишь после этого осознав, что немецким я, ну скажем так, не владею.

«Дорогая матушка.

Улучила несколько минут, чтобы написать Вам несколько строк. В нашей жизни все идет, как и прежде, но несдержанность и мелочность Государыни изрядно омрачают мои дни. Я неустанно повторяю, сколь она добра, но все-таки до крайности неприятно все время быть при ней. Мне не объяснить всего этого, всех этих мелочей, которые постоянно перед глазами, необходимость устраивать свое время, даже самые незначительные дела в зависимости от чужого человека, с которым не привык жить (ведь видеться в обществе или проводить вместе не более часа, да и то не всякий день, это не значит жить). Согласитесь, сие весьма обременительно...»

На этом письмо обрывалось: по-видимому, автора позвали на злополучную прогулку, а потом было уже не до писем. Я перекрестилась и взяла в руки перо. Потом вспомнила, что не единожды читала о постоянном нарушении тайны переписки Елизаветы Алексеевны даже с ее матерью, и решительно взяла новый листок.

«Простите за долгое молчание, дорогая матушка, но вы, наверное осведомлены о том, что я была тяжело больна и только третьего дня поднялась с постели...»

Чудо: я свободно писала по-немецки почерком настоящей Елизаветы Алексеевны. Видимо, навыки, в отличие от памяти, все-таки сохранились.

«Сейчас я уже почти совсем здорова, с завтрашнего дня мне разрешено выходить из комнаты к общему столу и на короткие прогулки. За мной прекрасно ухаживали, государыня ежедневно справлялась о моем здоровье, а Александр каждую свободную минуту проводил у моей постели.

: Без моего мужа, который сам по себе делает меня счастливой, я должна была умереть тысячью смертей. Счастье моей жизни в его руках, если он перестанет меня любить, то я буду несчастной навсегда. Я перенесу все, все, но только не это.

Но это все глупые страхи. После моего выздоровления Александр настолько нежен со мной, что мне может позавидовать любая женщина. Мы вместе завтракаем и ужинаем, премило беседуя при этом.

Единственная неприятность – это потеря мною памяти после болезни. Я помню какие-то отдельные предметы, узнаю знакомые лица, но все время возникают провалы: не могу вспомнить правила дворцового этикета, забыла, куда положила ключ от шкатулки и так далее. Все это меня очень огорчает, особенно то, что я не помню теперь детские годы: все, что было со мной до приезда в Россию словно пеленою завесилось.

Вопросы вам покажутся странными, но все же ответьте мне на них, умоляю: занималась ли я рукоделием? рисовала ли? обладала ли какими-то маленькими талантами? Я учусь жить заново, точно младенец, разве только хожу и говорю самостоятельно.

Обнимаю вас, дорогая матушка, и вскоре напишу снова».

Короткое письмо заняло у меня часа два. И все это время я про себя изумлялась: как могла Елизавета быть настолько беспечной, чтобы доверять обычной почте свои жалобы на свекровь и на жизнь при дворе? Знала ведь, что ее письма читают – и вот, пожалуйста.

Хотя, возможно, незаконченное письмо она собиралась отправить с какой-либо верной оказией: уж слишком оно было откровенным. Теперь уже этого не узнать. Но мне самой нужно быть предельно осторожной: судя по жалобам Елизаветы матери, бедняжке тут вздохнуть без

разрешения не давали. Придется менять установившийся порядок: я все-таки супруга наследника престола, а не фрейлина какая-нибудь.

Незаконченное первое письмо я бросила в камин.

Глава шестая. Августейшее семейство

Накануне первого «выхода в свет», то есть первого присутствия на семейном обеде после болезни, я сказала супругу во время его вечернего визита:

– Саша, я боюсь. Я не помню, как обращаться к государю и к государыням, к твоим сестрам, вообще ко всем. И я безумно боюсь сделать какую-нибудь ужасную ошибку...

Александр улыбнулся:

– Трусиха ты моя... Обращаться очень просто: папенька, маменька, сестрица. Это батюшка всех князьями да княжнами величает, причуда у него такая. И помни: первая не заговаривай, на все вопросы отвечай только по-русски. Да и я буду рядом. Ты лучше скажи, как ты себя чувствуешь?

– Почти совсем хорошо. Завтра, думаю, все окончательно пройдет.

– Значит, завтра вечером это и отпразднуем, – многозначительно улыбнулся Александр. Поужинаем вместе со всеми, отдам папеньке заключительный рапорт – и к тебе.

Мне удалось выудить из него обычный распорядок дня обитателей Зимнего Дворца. После этого я поняла, почему Елизавета Алексеевна так часто сказывалась больной и предпочитала в одиночестве сидеть в своих покоях.

Свою личную жизнь государь регламентировал так же строго, как и быт своих подданных. Его режим дня был неизменен из года в год. Обычно он вставал очень рано, пил кофе и уже в 6 часов утра принимал с докладом петербургского генерал-губернатора, в семь слушал доклады по иностранным делам.

К 9 часам он выходил на вахт-парад и развод караула. Смотры гвардии длились около двух часов, и всегда, в любую погоду, в мороз или дождь, император на них присутствовал и заставлял присутствовать обоих старших сыновей.

Затем была прогулка, обычно в сопровождении любимца – молодого графа Кутайсова. Ровно в час – обед. В Гатчине Павел с женой часто обедали где-нибудь в гостях, но в Петербурге этикет требовал специального церемониала и стол роскошно сервировался, хотя Павел I был умерен в еде и питье.

Сам Павел был очень неприхотлив: обед – чистая нельская водица и два-три блюда самые простые и здоровые. Стерляди, трюфели и прочие яства подавались на стол, но сам Павел к ним не притрагивался. Его любимым кушаньем были сосиски с капустой, после которых он выпивал рюмку бургундского кларета.

Послеобеденная прогулка, верхом или в коляске, запряженной шестеркой белых лошадей, всегда имела какую-то цель: посещение больницы, богоугодного заведения или просто осмотр петербургских улиц.

В 6 часов вечера император всегда приходил к жене, в 7 часов – шел на спектакли, дававшиеся при дворе. Больше всего Павел любил французскую комедию – Мольера, Корнеля, Расина. Наконец, в 9 часов следовал ужин, в 10 император уже спал.

В общем-то, распорядок жизни государя не возбуждал бы таких пересудов, если бы Павел не пытался перенести его на весь Петербург. И, конечно же, у него ничего не вышло: после 10 часов вечера за плотно опущенными шторами на двойной подкладке в дворянских особняках начиналось неистовое веселье.

Не слишком получалось и в собственной семье, хотя тут после десяти вечера все благо разумно расходилось по собственным покоям. Правда, младших детей укладывали спать сразу после восьми вечера, да и ели они отдельно от взрослых. Оставались два старших сына – Александр и Константин, три старшие дочери – Александра, Елена и Мария (которой только что исполнилось двенадцать лет, что делало ее «взрослой») и две невестки – я и Анна.

Речи о том, чтобы поехать к кому-нибудь на бал или на ужин и быть не могло. Моей обязанностью, оказывается, было присутствовать при вечернем туалете императрицы, пока мой супруг отчитывался перед отцом о прошедшем дне. После этого мы были свободны... относительно.

И-да... жизнь царей я представляла себе как-то иначе. Правда, великую княгиню, слава Богу, никто не будил в семь утра и не заставлял присутствовать на разводах и построениях караула, она была вольна спать хоть до обеда. Но это осуждалось императрицей, которая сама поднималась не позже восьми утра, тут же затягивалась в корсет и принималась за дела.

Кох у нее было великое множество: от ухода за комнатными растениями и собачками до обширной благотворительной деятельности. Плюс – полугодовалый младший сын Михаил, единственный «порфирородный» ребенок из всех ее детей...

Государыне-императрице, как я сообразила, было всего-то сорок лет. В то время, из которого я явилась – возраст расцвета. Она бы и еще детей нарожала, да врачи запретили, опасаясь за ее жизнь. А мера предохранения тогда была только одна: конец супружеским отношениям. Вот бедняжка! Сейчас бы ей какие-нибудь таблетки – и радуйся жизни еще лет двадцать. Понятно, что характер испортился, удивительно, что никто из окружающих до сих пор не понял причины этого.

Собиралась я на первый выход самым тщательным образом. Темно-синее платье, туфельки в тон, голубая лента с букетом фиалок под грудью, такая же лента в волосах. Минимум драгоценностей и максимум выдержки. Не съедят же там меня!

Александр, как и обещал, зашел за мной и мы рука об руку отправились на семейную трапезу. По дороге я таращила глаза на великолепии дворцовых переходов и зал, которые до этого видела только в кино. И в этих мраморно-золотых декорациях я теперь буду жить? Невероятно!

У одной из белых с золотом двустворчатых дверей мы остановились и Лакей, отворив ее, провозгласил:

– Их императорские высочества великий князь Александр Павлович и великая княгиня Елизавета Алексеевна.

И мы торжественно проследовали в огромный белоснежный зал, посреди которого красовался уже полностью сервированный стол. По-видимому, мы пришли последние. Две великие княжны, Александра и Елена, стояли полуобнявшись возле высокого окна и о чем-то негромко переговаривались. Великая княжна Мария, двенадцатилетний угловатый и застенчивый подросток, приветствовала нас книксеном. А к нам бросилась прехорошенькая брюнетка, закутанная в красивую шаль, несмотря на то, что в столовой было тепло.

– Лиз, я так рада, что вы поправились. Я скучала о вас и сильно беспокоилась.

– Я тоже рада видеть вас... Аннет.

Судя по всему, это была супруга Константина, хотя самого его поблизости не наблюдалось. Александр поцеловал невестке руку, а мы просто расцеловались. Ну да, мы же были очень близки, пока Анна не сбежала от своего экстравагантного супруга обратно к родителям.

С некоторым запозданием до меня дошло, что мы непринужденно общаемся... по-немецки. По-видимому, мне оставили не только письменные навыки, но и устные. Никто не испытывал никакой неловкости: судя по всему, все присутствующие прекрасно знали этот язык.

– С выздоровлением, Лиз, – подошла к нам великая княжна Александра. – Нам вас не хватало.

– Да, очень не хватало, – нежным голосом подтвердила великая княжна Елена.

Я уставилась на нее во все глаза: таких красавиц мне еще видеть не доводилось. Она просто зачаровывала.

– Вы стали еще красивее, Элен, – наконец смогла я сказать.

Та лишь застенчиво улыбнулась в ответ.

В этот момент от дверей раздался возглас лакея:

– Их императорские величества!

Я невольно схватила руку Александра. Тот успокоительно сжал мою: мол, ничего, я рядом, все нормально.

– Делай, как я, – почти не шевеля губами прошептал он. – И ничего не бойся.

В столовую вплыла императорская чета, и я чуть не ахнула от изумления. Император, которого книги и фильмы изображали маленьким сморщенным старичком, оказался весьма моложавым мужчиной среднего роста, здоровым цветом лица и добрым (!) взглядом. Рядом плыла пышная бело-розовая красавица с замысловатой прической из прекрасных светло-русых волос, алыми губами и большими голубыми глазами. Никогда бы не поверила, что эта еще молодая женщина родила десятерых детей! На вид ей было лет тридцать.

Александр шагнул навстречу родителям, склонился в почтительном поклоне, а потом поцеловал руки. Сначала отцу, потом – матери.

– Папенька, маменька, надеюсь, вы в добром здравии.

Ответом ему был милостивый кивок. Я подошла следом за мужем, стараясь унять противную дрожь в коленках. Реверанс удалось сделать более или менее прилично. Теперь – обряд целования рук.

– Папенька, добрый день. Маменька, здравствуйте. Прошла ли ваша мигрень?

– Благодарю, Лиз, – почти благосклонно произнесла императрица. – А ты здорова ли?

– Совсем здорова, маменька.

– Ну и Слава Богу, слава Богу, – скороговорка императора.

Тут с приветствием подошла Аннет, за нею – княжны. Дочерей император целовал в лоб, невестки такой чести не заслуживали.

– К столу, прошу к столу, – отрывисто бросил Павел. – Откушаем, что Бог послал.

На этот раз Бог послал куриный бульон с сухариками и отварную курицу с рисом. Принципиальных отличий от обычного домашнего обеда в оставленном мною времени я не заметила. Разве что роскошный сервиз, серебряные столовые приборы изумительной работы и вазы, наполненные живыми цветами.

Я чинно черпала прозрачный бульон и старалась вспомнить, каким концом ложку нужно подносить ко рту по правилам хорошего тона. Увы, окружающие мне тут ничем помочь не могли: каждый ел так, как ему (или ей) было удобнее.

– Княжна Елена, – внезапно раздался голос императора, – мы окончательно решили вопрос о твоём браке.

Елена вопросительно посмотрела на отца, причем никаких следов волнения или хотя бы обыкновенного любопытства на ее лице не было.

– Мы отказались от первоначального намерения выдать тебя за старшего принца Курляндского. К тебе сватается наследный принц герцогства Мекленбургского Фридрих-Людвиг. Мы уже дали согласие, принц приедет официально просить твоей руки через два месяца.

– Восемьдесят лет назад за тогдашним герцогом Мекленбургским была племянница императора Петра Алексеевича, Екатерина, – забывшись, произнесла я вслух.

А ведь меня предупреждали, что за столом нужно молчать! Только отвечать на вопросы императора. Я заметила, что Александр слегка побледнел.

– Княгиня Елизавета, ты расскажешь нам об этом за кофе, – неожиданно милостиво отреагировал император. – Признаться, я кое-что подзабыл из истории.

– Как пожелаете, папенька, – смиренно склонила я голову.

Гроза, кажется, прошла стороной. Или диктаторские замашки Павла Петровича были сильно преувеличены его потомками.

Второе блюдо ели в молчании, только один раз император изволил разомкнуть уста:

– Княгиня Анна, твой супруг все еще инспектирует войска?

– Да, папенька.

Можно подумать, он сам этого не знал! Еще повезло, что он не отправил в такую же поездку Александра. Наверное, из-за моей болезни.

Кофе пили тут же: император терпеть не мог «бегать из комнаты в комнату», – как он выражался. И мне пришлось напрячь память и рассказать августейшему семейству, с кем они собираются породниться.

Петр Великий выдал замуж свою любимую племянницу Екатерину за человека со сложным характером и тяжелой рукой. Герцог Леопольд Мекленбургский был скор на расправу и супругу поколачивал регулярно. Та терпела четыре года, за которые родила дочь Анну, и... сбежала к своей вдовой матери в Россию. Попыток вернуть заблудшую супругу герцог практически не делал, тем более что это был его третий брак.

Фридрих Вильгельм умер в 1713 году и трон унаследовал его племянник Кристиан Людвиг. В настоящее время главой Дома Мекленбург-Шверин являлся герцог Фридрих Франц I. У жениха великой княжны Елены две сестры и три брата, семья пользуется определенным влиянием в Европе и находится в прекрасных отношениях с прусским королевским двором.

– Так что я рассчитываю, княжна Елена, что твой брак принесет нам более близкие отношения с Пруссией и укрепит положение России в Европе.

– Как вам будет угодно, папенька.

– А ты, княгиня Елизавета, молодец. Историю России всем нужно знать, да и не только России. Как-нибудь приглашу тебя к чаю, побеседовать об истории.

– Благодарю вас, папенька, за честь почту.

Краем глаза я заметила поджатые губы императрицы, не сулившие мне ничего хорошего, и, сославшись на оставшуюся после болезни слабость, быстренько слилась в свои покои. Хотелось верить, что к ужину к Марии свет Федоровне вернется хорошее настроение.

Ворвавшись следом за мной, Александр повалился на кушетку в спальне и захохотал.

– Что тебя так развеселило? – поинтересовалась я.

– А то, как ты ловко к государю подъехала. Он ведь историю обожает, его хлебом не корми, дай поговорить об Александре Македонском или Иване Грозном. Только собеседников найти трудно.

– Что ж тут трудного? Я тоже про историю часами могу разговаривать.

– А почему же мы с тобой тогда об этом никогда не беседовали?

Хороший вопрос. То ли Елизавета Алексеевна тоже была исторически-безграмотна, то ли эти разговоры не интересовали самого Александра. Не знаю. Зато знаю, как говорится, симметричный ответ:

– Наверное, потому же, почему только недавно фактически стали мужем и женой.

Александр стал серьезным и сел прямо.

– Неужели ты настолько меня боялась.

– Наверное... Я не помню. Вот то, что влюбилась в тебя с первого взгляда, помню прекрасно. И как ты мне в любви объяснился – тоже помню.

– Правда? – обрадовался Александр.

Я кивнула.

– Тебе еще пятнадцати не исполнилось, ты страшно смущался был очень сдержан, а я думала, что это – неприязнь ко мне. Плакала даже по ночам. И вдруг однажды, когда мы все рисовали в Бриллиантовой комнате, ты незаметно сунул мне записку с признанием в любви, которую только что написал. Спрашивал, можешь ли надеяться на ответное чувство и если да, то согласна ли я стать твоей женой.

– Не представляешь себе, как я трусил. А вдруг ты бы ответила отказом? Или вообще ничего не ответила.

– Я быстренько нацарапала тебе ответную записку: мол, тоже люблю и к тому же покоряюсь желанию, которое выразили мои родители, посылая меня сюда.

– С этого времени на нас стали смотреть как на жениха и невесту.

– Верно. А мне дали учителей русского языка и Закона Божия.

– Между прочим, ты сейчас говоришь без акцента. А маменька от своего так и не избавилась, как ни старалась. Папенька ее все время этим попрекает.

– И напрасно. Бабушка тоже говорила с немецким акцентом. Это уж кому как суждено.

– Кстати о «суждено». Суждено ли мне сегодня вечером навестить мою обожаемую жену в ее спальне? Ты как себя чувствуешь?

– Прекрасно, – искренне ответила я. – И буду тебя с нетерпением ждать.

Тут же я оказалась на руках у мужа, который осыпал меня страстными поцелуями.

– Как жаль, что нельзя прямо сейчас... Но ночью мы все наверстаем. И, Бог даст, обретем вскоре дитя.

– Я только об этом и молюсь.

Александр умчался по своим делам, а я занялась своими. Оказывается, я умела рисовать. А если сейчас попробовать?

Через некоторое время я обнаружила, что великого живописца из меня не выйдет, хотя карандашные рисунки получались неплохо и выглядели довольно мило. А раз так... Я потребовала, чтобы Катерина достала ящик с моими рисовальными принадлежностями и почти до самого ужина занималась тем, что рисовала на пластинке из слоновой кости портрет императрицы-свекрови. По памяти.

Зашедшая зачем-то в будуар Катерина всплеснула руками:

– Княгинюшка, да как же вы рисуете замечательно! Ее императорское величество прямо как живая вышла!

Я не слишком удивилась. В оставленном мною будущем я очень неплохо (для любителя) рисовала и даже одно время подрабатывала портретистом на Арбате. Мои работы пользовались популярностью у покупателей и постоянные насмешки друзей, которые утверждали, что я изображаю людей не такими, какие они есть, а такими, какими бы они хотели быть. Возможно. Ну, и что в этом плохого?

Вот и императрица у меня получилась – загляденье. Пышные волосы, огромные глаза с поволокой, чувственные губы, кожа – как персик. Плюс – великолепие алого бархатного платья, в котором она была на обеде и к которому я щедрой рукой добавила драгоценности из области моей фантазии, а также популярного сериала «Великолепный век». Нужно же подлизаться к свекрови, чтобы она перестала на меня коситься и поджимать губы.

– Лиз, ты не перестаешь меня поражать, – услышала я за спиной голос Александра.

– Тебе нравится?

– Маман будет в восторге. Она обожает миниатюры, особенно в стиле барокко. Кстати, отец о тебе очень лестно отзывался, когда мы с ним пили чай. Сказал, что наконец-то в семье появилась умная женщина, с которой можно поговорить.

– Мне кажется, что на самом деле Павел Петрович очень добрый человек, – задумчиво сказала я. – Не зря простой народ его обожает.

– А большинство придворных – ненавидит, – мрачно отозвался Александр. – Он отнял у них все привилегии, дарованные когда-то бабушкой, сам работает по 14–16 часов в сутки и от других ждет того же, а когда обманывается в своих ожиданиях – гневается.

– А это правда, что он спит на солдатской постели? – полюбопытствовала я.

– Чистая правда. Маман это все бесит, она хотела бы находиться во главе двора, во всем подобному бабушкину, а отец позволяет устраивать балы не чаще раза в два месяца и отменил почти все придворные развлечения.

– Что ж, могу ее понять. Но, честно говоря, я бы с большим удовольствием беседовала с императором, чем танцевала с каким-нибудь пустоголовым франтом. Кстати, вопрос о князе Адаме решен?

– Решен. Отец очень обрадовался тому, что все слухи оказались ложными и приказал готовить указ о назначении князя послом у короля Сардинского.

О существовании такого королевства я даже не подозревала. Далеко же послал мой царственный свекор ухажера своей невестки!

– Ты расстроен, Саша?

– Как-нибудь переживу, – усмехнулся тот. – Папенька все больше втягивает меня в решение государственных вопросов, свободного времени почти нет. А то, что есть, теперь принадлежит тебе.

А еще говорят, что мужская дружба – это некий титано-ванадиевый сплав, и что крепче нее ничего не бывает.

– Пора одеваться к ужину, – взглянув на часы, сказал Александр. – Или ты собираешься идти в этом капоте?

Ну, я бы пошла, только вот положение обязывает. Пришлось звать Катерину и срочно приводить себя в соответствующий вид.

Ужин мало чем отличался от обеда, разве что количеством блюд. Кормили разварной осетриной с картошкой и масляно-яичным соусом. Император изволил поинтересоваться, чем я занималась после обеда.

– Готовила подарок для маменьки, – честно ответила я.

– Это в честь чего? – осведомилась та.

– Просто захотелось, чтобы вы улыбнулись, маменька.

– И что это за подарок?

Лед в ее взгляде начал потихоньку таять.

– Миниатюра. К завтрашнему дню лак высохнет и я буду иметь счастье презентовать ее вам.

– А что на ней изображено?

– Душенька, – вмешался император, – прояви чуть-чуть терпения. Лиза наверняка хотела сделать сюрприз. Так ведь, княгиня Елизавета?

Я не стала спорить.

После трапезы император потребовал, чтобы Александр снова явился к нему в кабинет: обсудить какие-то внешнеполитические вопросы, а всех остальных, то есть дам и девиц, императрица изволила пригласить к себе на партию в пикет.

Упс! В карточных играх я всегда была полным профаном. Поэтому императрица села играть с Аннет, Александрин и Еленой, а я примостилась к стоявшему в углу маленькому фортепиано и начала тихонько наигрывать пьески из моего не слишком обширного репертуара. Неважно, что большинство этих пьес еще не было сочинено, главное – я умела их исполнять на более или менее приличном уровне.

С моего места мне был прекрасно виден карточный стол и лица игроков. Раскрасневшаяся от азарта Аннет, витающая в облаках Александрина, сосредоточенная Елена и величественная даже здесь императрица. Я подумала, что первая через несколько лет навсегда покинет Россию, спасаясь от сумасброда-супруга, а две других еще до этого умрут на чужбине, не прожив и двадцати лет. И я была бессильна что-либо изменить. Или все-таки нет?

А вот роковую гибель императора мне бы хотелось предотвратить. И кое-какие мысли по этому поводу у меня уже были. Павлу Петровичу недавно исполнилось сорок два года – нелепо погибать в таком возрасте из-за чьих-то амбиций. Да и не хотелось мне, чтобы мой муж потом всю жизнь страдал комплексом вины, а его дражайшая маменька его этим шантажировала.

– Дочь моя, – услышала я голос императрицы, – вы доставили нам большое удовольствие. Видите, можно приятно проводить время в кругу семьи и не беря в руки карты. А вы все время убегали в свои покои...

– Простите, маменька, – охотно повинулась я, – я поступала глупо. Впредь постараюсь так не делать.

В общем, вечер удался. А его продолжение в обществе только моего мужа в моей спальне – тем более. Заснула я в состоянии абсолютного умиротворения.

Глава седьмая. Приятные новости и не очень приятные мысли

А потом время понеслось, как сорвавшиеся с горы санки. Я подружилась со всеми великими княжнами, включая совсем еще малышей – Екатерину и Анну. Призвав на помощь все свои дипломатические умения, кое-как наладила отношения со свекровью. Выяснилось, что она обожает маленькие сувениры – просто так, без повода, и я регулярно преподносила ей то вышитый платочек, то разрисованную чашку, то найденный на прогулке диковинной формы корень, из которого Мария Федоровна вытачивала фигурку: работу на точильном станке она обожала.

Раз в неделю, с точностью самолетного расписания, меня приглашал к себе «на партию в шахматы» император. Нет, в шахматы мы с ним, конечно, играли и, конечно, я всегда проигрывала, но помимо этого беседовали об исторических событиях, о положении в Европе, о политике вообще. И каждый раз во время этих встреч я диву давалась: кто пустил слух о Павле Петровиче, как вздорном и желчном человеке?

Нет, конечно, Павел Петрович не был ангелом, к тому же часто ошибался, но ошибался, честно и искренне признавая свои ошибки. Да, и в самих ошибках его были честные побуждения, были порывы благородные и великодушные, о которых мало кому было известно, но которые вполне могли бы оправдать его в глазах потомков.

Его отличали обостренное чувство долга, беспрецедентный среди монархов демократизм и глубоко рыцарское благородство, неведомое при развращенном дворе Екатерины II. Будучи высокого мнения о своем положении, Павел Петрович предъявлял к нему и строгие требования. По его убеждению, «долг тех, которым Бог вручил власть править народами, – думать и заботиться об их благосостоянии». И он всеми силами старался выполнить этот долг, как он понимал его.

Мысль о народном благосостоянии была его постоянной мыслью. Он во всем хотел служить примером для всех, чистосердечно и искренне верил, что в состоянии все видеть своими глазами, все слышать своими ушами, все регламентировать по своему разумению, все преобразовать своей волей... Разумеется, такая наивность вызывала смехи за его спиной и злые сплетни.

Кстати сказать, император презирал тех, кто раболепно подчинялся его воле в ущерб правде и справедливости, и, наоборот, уважал людей, которые бесстрашно противились вспышкам его гнева, чтобы защитить невинного.

Собственно говоря, его благоволение ко мне и началось с того, что я осмелилась ему возразить. Точнее, вступить в во время обеда за императрицу, которая сморозила какую-то глупость по поводу входившего в силу французского консула Наполеона Бонапарта. Кажется, назвала его «грязной обезьянкой».

Император мгновенно вспылал:

– Как вы можете отзывать подобным образом об этом человеке? Вы что, знаете о нем какие-то подробности, знаете его дела?

– Нет, но плебей, лезущий во власть...

– Дура! Бонапарт – дворянского рода с Корсики. И чтобы я больше...

Глаза императрицы уже были полны слез, а носик подозрительно покраснел, когда вмешалась я:

– Папенька, вы неправы.

– ЧТО?! – резко обернулся ко мне император.

– Маменька всего лишь неудачно выразилась. Она ведь не занимается политикой, как вы, и не может всего знать. А у женщин личные впечатления часто перевешивают фактическую картину. Согласитесь, Бонапарт – не идеал мужской красоты.

Император фыркнул и засопел – верный признак того, что приступ гнева миновал.

– А ты смела, княжна Елизавета. Сказать мне, императору, что я неправ...

– Вы прежде всего человек, папенька, – продолжила я, не обращая внимания на отчаянные толчки ноги Александра под столом. – Как император, вы не имеете права ошибаться, но как человек в семейном кругу...

Императрица бросила на меня благодарный взгляд и прикоснулась к рукаву мундира супруга:

– Пусть ваше величество простит меня...

– Пустое, душенька, – отозвался Павел Петрович, – приходя в благодушное настроение. – Напротив, я очень рад, что ты не очарована этим корсиканцем, как многие дамы в Европе.

– Да Боже сохрани!

– Я слышал, он женат на мулатке, – постарался увести разговор в сторону от опасной темы Александр. – Она откуда-то с южных островов.

– На креолке, – поправила его я. – Она уже была замужем, ее муж погиб во время террора. Там еще есть двое детей – мальчик и девочка. Как же ее... ах да, Жозефина!

– Она красива? – с неподдельным любопытством осведомился император.

– Я не видела портретов, – увернулась я.

– Говорят, что некий майор здесь, в Петербурге, тоже женился на креолке, – живо вмешалась в разговор Аннет, обожавшая сплетни. – Она то ли внучка, то ли правнучка знаменитого арапа Ганнибала. У них уже дочка родилась.

– Только негрятят здесь не хватало, – ворчливо заметила императрица.

– Ах, нет, маменька, говорят, что девочка – совсем блондинка.

– Да будет вам о глупостях, – вмешался император. – Мадам, через неделю прибывают эрцгерцог Иосиф Габсбург и наследный принц Фридрих Людвиг. Надеюсь, у вас все готово к приему высоких особ?

– Конечно, государь.

Со мной что-то произошло: голоса вдруг стали доноситься глухо, как через вату, в глазах потемнело и я куда-то провалилась.

Очнувшись уже на кушетке, вокруг столпились взволнованные родственники с императором во главе.

– Что с тобой, княгиня Елизавета? – обеспокоенно спросил он. – За доктором уже послали, сей минут будет.

– Благодарю, папенька, мне уже лучше. Вдруг голова закружилась...

Императрица глядела на меня менее ласково, но с каким-то проблеском понимания в глазах. Похоже, она о чем-то догадывалась... но о чем?

В это момент появился доктор Роджерсон и почтительно попросил всех удалиться. Осмотр больного – дело интимное...

Через некоторое время доктор столь же почтительно пригласил августейшее семейство вернуться. Я уже не лежала на кушетке, а сидела в кресле и переваривала услышанный диагноз.

– Что с великой княгиней? – с порога выпалил император. – Надеюсь, ничего серьезного?

– Напротив, положение ее императорского высочества есть весьма серьезно. Нужен строгий режим, особое питание, свежий воздух, да.

– Да что с ней? – не выдержал Александр.

– Поздравляю вас, ваше императорское высочество. Великая княгиня есть в ожидании дитя. Время пока небольшое.

– Элиз беременна! – взвизгнула Аннет.

Александр украдкой вытер глаза носовым платком, а император прослезился открыто.

– Ну, наконец-то! Спасибо, княгиня Елизавета, порадовала.

– Поздравляю, – с почти доброй улыбкой произнесла и свекровь. – Доктор, а какой срок?

– Неделя двенадцать, полагаю...

В голове у меня с бешеной скоростью закрутился счетчик. Двенадцать недель, почти три месяца, а если точнее, то... то с нашей первой ночи с Александром. Получилось! Теперь ни у кого и мысли не возникнет от законного ли мужа ребенок.

– Как ты себя чувствуешь, Лизонька? – осведомился Александр.

– Превосходно, дорогой. Простите, что я испортила вам всем обед, но я право же не ожидала...

– Не извиняйся, дочь моя, – снисходительно произнесла императрица. – Очень немногие женщины не испытывают головокружения во время беременности.

– Да уж куда мне до вас, маменька, – пробормотала я. – Давайте все-таки закончим обед. Я голодная.

Император заразительно расхохотался?

– А на соленое пока не тянет, княгиня Елизавета?

– Тянет, папенька. Так его же к столу почти не подают.

– Теперь будут подавать, – утешил меня император.

Он подошел к супруге и нежно обнял ее. Императрица зарделась от неожиданности и удовольствия.

– Ну вот, Маша, скоро будем внука нянчить. Дожили, слава Богу

– Дай Бог, чтобы внука, – всхлипнула императрица.

– А мы помолимся, помолимся, и Бог даст. Ну вот, новые блюда принесли, давайте поедим.

Когда я села на свое место за столом, то обнаружила перед собой хрустальное блюдечко с солеными огурцами. Я благодарно улыбнулась императору.

– А к завтраму велю грибочков соленых доставить, – подмигнул он.

Стыдно признаваться, но огурцы я практически смела. И почувствовала себя гораздо лучше.

– Вина больше не пить, – приказал император. – И от верховой езды воздерживаться. Пешочком, княгиня Елизавета, пешочком, не меньше двух часов в день. Правильно, ваше величество?

– Вы как всегда правы, государь, – склонила та голову. – Нужен свежий воздух и умеренное движение.

– Значит, дитя должно появиться на свет в конце мая, – поделился с окружающими своими мыслями император. – Прекрасное время. В апреле перевезем княгиню Елизавету в Павловск, пусть наш внук родиться там же, где рождались все наши дети.

Вся эта суматоха продолжалась несколько дней, а потом все благополучно переключились на другое важное событие: в ноябре 1798 года в Петербург одновременно прибыли сразу два жениха: для старших дочерей Александры и Елены.

За два месяца до этого императору Павлу и императрице Марии Федоровне поступило предложение от австрийского двора о возможном заключении брака великой княжны Александры и эрцгерцога Иосифа, Палатина Венгерского, брата австрийского императора и его наследника. Переговоры велись тихо и скромно. В них принимал живейшее участие (по поручению императора) светлейший князь Н. В. Репнин. Ему был оказан в Вене блестящий прием, император австрийский Франц-Иосиф сам приехал в Вену из Бадена, чтобы дать Репнину аудиенцию.

А вот теперь сам эрцгерцог Иосиф, Палатин Венгерский, приехал в Петербург, просить руки нареченной невесты. На меня он произвел самое приятное впечатление: умный, образо-

ванный человек, немного застенчивый, но крайне деликатный. И – что было особенно приятно – влюбившийся в Александрину с первого взгляда.

И, тем не менее, счастья этот брак не сулил. Во время очередной партии в Шахматы с императором, тот показал мне письмо, написанное графом Ростопчиным русскому послу в Лондоне графу Воронцову:

«...Поверьте мне, не к добру затеяли укреплять союз с австрийским двором узами крови. Это только лишнее обязательство и стеснение: такие связи пригодны лишь в частном быту. Из всех сестер своих она (Александра) будет выдана наименее удачно. Ей нечего будет ждать, а детям ее – и давно».

— Что скажешь, княгиня Елизавета? Прав ли Ростопчин в своих предсказаниях?

– Папенька, браки заключаются на небесах, – попыталась я уклониться от прямого ответа. Слишком хорошо мне была известна судьба будущей эрцгерцогини Австрийской.

– Это мне и без тебя известно.

– Меня беспокоят нескончаемые интриги Австрийской империи против союзной – союзной, папенька! – России. Конечно, кому могут понравиться побрякушки и блеск, которые подавляют? Но, с другой стороны, по происхождению эрцгерцог почти равен великой княжне...

– Да, выдавать ее за мелкого немецкого князя или герцога я не хочу. После того, как она почти стала королевой шведской...

– Вам виднее, папенька. Но я лично Австрии не очень доверяю. Вот если бы Бонапарт был императором, лучшей партии для Александрины и сыскать было бы невозможно.

Император бросил на меня быстрый пронизывающий взгляд:

– Вижу, ты более благосклонна к корсиканцу, чем остальные наши дамы.

– Да, – кротко согласилась я. – Ибо прозреваю в нем великую личность, равную вам по масштабу и дерзости замыслов.

– Может, ты и права. Но я связан договорами с Англией и Австрией, а они с Францией – непримиримые враги.

– Договоры, случается, разрывают... – очень тихо ответила я.

– Ты к чему клонишь, княгиня Елизавета?

– А к тому, папенька, что беременные женщины бывают очень проницательны... иногда. Мне тут сон был: австрияки и англичане попросили у вашего величества военной поддержки в войне с Францией...

– И что?

– А то, что все равно проиграли, а русских солдат на произвол судьбы бросили.

– Вздор несешь, княгиня Елизавета! – вспыхнул Павел. – Не женское это дело – в военные дела ввязываться.

– Так разве ж я ввязываюсь? – изумилась я. – Я вам сон пересказываю. И не кричите так, внука испугаете.

Павел Петрович мгновенно отошел от приступа гнева и расплылся в довольной улыбке.

– Еще не шевелится?

– Скоро начнет.

– Ты гуляешь, сколько тебе велено?

– Хожу, – поправила я его. – По петербургской поздней осени много не нагуляешься.

Простудиться боюсь.

Партию в шахматы я, конечно, проиграла.

Но, как мне представлялось, заронила некое зерно сомнения в императорскую голову. При всей кажущейся взбалмошности и непредсказуемости, в нем было очень много здравого

смысла и, даже если это кому-то покажется невероятным, рыцарства и утонченности. Эти прекрасные врожденные качества привлекали к нему любовь и преданность многих достойных людей, чуждых личных выгод.

Мать сделала из Павла подозрительного невротика, историки ославили как самодура и полупомешанного. Кому-то, наверное, было выгодно именно так преподнести потомкам личность невинно убитого человека. Узнать бы только – кому: ведь корни всей этой «рекламной компании» находились именно в том времени, в которое я попала.

– Саша, – ошарашила я супруга вечером, – мне пришла в голову одна мысль...

– Покрасить детскую в апельсиновый цвет?

– Не совсем. Учредить тайную полицию.

– Лиза, ты здорова?

– Более чем. Но до меня доходят слухи, которые мне совершенно не нравятся. Хотелось бы проследить, откуда они появляются.

– И что за слухи? – уже серьезно осведомился Александр.

– Возвести тебя на престол.

– Что за бред?! Зачем меня на него возводить, если я и так – престолонаследник.

– Предварительно устранив твоего отца, – спокойно продолжила я. – А в идеале – и мать. Сиротой в любом возрасте легче манипулировать.

– Лиза, ты меня пугаешь.

– Кто предупрежден, тот вооружен. Ты и сам, наверняка, слышал, что многие при дворе недовольны симпатией императора к Бонапарту.

– Конечно! Я и сам от него не в восторге.

– А почему?

– Он выскочка! – выпалил мой супруг.

– Да, королевской крови в нем нет. Что еще?

– Он пытается стать первым лицом во Франции.

– Верно. Но ведь кто-то должен остановить там кровавую карусель и навести порядок.

– Он слишком воинственен.

– Твой прапрадед Петр тоже не был пацифистом.

– Кем?

Упс. Следи за словами, Елизавета. Некоторые еще не появились, а ты их уже используешь.

– Любителем мира, – поправила я. – Воевал практически всю жизнь. А его вечный противник Карл Двенадцатый? Ими обоими ты восхищаешься.

– Но разве в истории были случаи, чтобы человек не слишком высокого происхождения...

– Да таким случаям числа нет, – рассмеялась я. – Королями и императорами, правда, редко становятся. А вот графами и герцогами – сколько угодно. В самой России за примерами далеко ходить не надо, хоть Потемкина вспомни. А императрица Екатерина Первая?

– Хорошо, уговорила. Я постараюсь полюбить Бонапарта.

– Я так много не прошу, – рассмеялась я. – Я всего лишь предлагаю создать тайную полицию, которая есть в любой европейской стране. Не приведи Господь, конечно, но как ты себя будешь чувствовать, если на императора совершат покушение?

– Это немыслимо!

– А батюшка императора от чего скончался?

Александр молчал так долго, что я даже забеспокоилась: не перегнула ли палку. Пока Павел не разорвал союза с Австрией и Англией, ему ничего не грозит. Но ведь разорвет, причем я буду ему всячески в этом помогать. А вот если помогать будет еще и престолонаследник... Главное, чтобы его даже косвенно не вовлекли в какой-нибудь заговор.

– Ты права, – наконец заговорил Александр. – Я даже знаю, с кем нужно об этом посоветоваться.

– И с кем же?

– С Аракчеевым.

– Ты позволишь мне присутствовать при вашем разговоре?

Александр с изумлением посмотрел на меня:

– Лизонька, а ты не заигралась в политику?

– Считай это причудой беременной женщины, – как можно легкомысленнее отозвалась я. – К тому же у меня больше свободного времени. И потом скажи мне, любимый, неужели ты считаешь меня глупее своей бабушки, упокой Господь ее душу?

– А это к чему? – окончательно запутался Александр.

– Если женщина успешно правила огромным государством, неужели другая женщина не сможет разобраться в работе тайной полиции?

– Боюсь, Аракчеев нас с тобой не поймет, – уже сдаваясь, сказал Александр.

– Во дворце мало помещений с тайниками? Спрячусь – он меня и не заметит даже. А потом мы с тобой все обсудим.

– Хорошо. Только сначала давай разберемся со свадьбами сестриц. Во дворце полно посторонних людей, гостей – мы запутаемся.

– Согласна. Я к тому времени уже рожу, и от меня явно будет больше прока.

– Ты только роди, – нежно погладил меня по уже заметному животу Александр. – Я тогда не то что тайную полицию – личный полк тебе подарю.

Так смехом закончился разговор. Но я была уверена, что Александр его не забудет. Семя упало в хорошо подготовленную почву: мой муж обладал твердым, решительным, но скрытным характером, замаскированным внешней мягкостью и уступчивостью. А я знала, что придворные уже начинали дудеть ему в уши о том, каким замечательным будет его царствование. Я же просто соединила эту мысль с другой: прежде, чем это замечательное царствование начнется, император Павел должен умереть.

Какой смертью?

Если своей собственной, в подобающем возрасте – это одна песня. Произойдет плавная смена императоров на троне, никаких возмущений, никаких заговоров. И, главное, Александр не будет всю оставшуюся жизнь мучиться сознанием того, что косвенно замешан в смерти собственного отца. А значит, по характеру это будет совсем другой человек.

Идем далее. Если по Божьей милости я рожу сына, а не дочь, то никаких заморочек с переходом престола опять же не будет. Великий князь Николай так и останется Великим князем, Великий князь Константин не будет иметь никаких прав на престол, а поскольку согласно известной мне истории законных детей у него так и не было (полдюжины незаконных не в счет), то отпадает угроза мятежа декабристов.

И – в туманном будущем – угроза Российской империи, как таковой. Ведь если не появится декабристов, они не «разбудят» Герцена, и сей незаконнорожденный дворянин не сможет сеять смуту в головах «прогрессивно настроенной молодежи». Хотя, разумеется, нельзя сбрасывать со счетов и того, что в сороковые годы девятнадцатого века революции прокатились практически по всей Европе и Россия стала исключением только благодаря железной руке императора Николая Первого.

А каким императором будет мой столь желанный сын?

В общем, я провела бессонную ночь и встала с темными кругами под глазами. Пришлось прибегать к декоративной косметике, чего я терпеть не могла. Но за обедом ястребиный взгляд свекрови проник сквозь эту ненадежную защиту.

– Дочь моя, вы плохо себя чувствуете? – осведомилась она, нарушая негласное правило: пока не заговорил император, все молчат.

Император, разумеется, опешил от такой дерзости, но, взглянув на меня, гневаться передумал.

– Отвечай, княгиня Елизавета, – почти ласково попросил он.

– Благодарю вас, папенька, благодарю вас, маменька, я неважно себя чувствую. Мне приснился дурной сон, и потом я уже не могла заснуть.

– Что за сон? – требовательно осведомился император, очень интересовавшийся мистикой и тому подобными явлениями.

– Мне снилось, что на дворец напали, все в огне и дыму, крики... И самый громкий крик был: «Спасайте императора!». От этого крика я и проснулась.

Главный толкователь снов в семье, императрица, тут же внесла ясность:

– Нападение означает засаду или наличие недоброжелателей.

– Какая еще засада, душенька? – досадливо осведомился император. – И какие недоброжелатели могут быть у княгини Елизаветы?

– Но ведь в ее сне кричали о том, что нужно спасти вас, Паульхен, – с тревогой отозвалась императрица.

– Ну, теперь мы будем жить, руководствуясь снами, – хмыкнул император.

– Папенька, беременных часто мучают кошмары, – осторожно дала я задний ход. – Конечно, все это чепуха. Какое может быть нападение на дворец?

– А очень простое, – подала голос великая княжна Мария. – Нас ожидает нашествие женихов. Вот и весь твой сон Элиз.

Юная княжна очень умело разрядила обстановку. Александра действительно была обручена со своим эрцгерцогом уже в начале марта следующего года, помолвка ее младшей сестры была отложена на два месяца по каким-то неведомым мне государственным соображениям.

Но окончательно неприятный осадок от рассказанного мною сна рассеялся, когда к концу обеда распахнулась дверь и лакей доложил:

– Его императорское высочество великий князь Константин Павлович!

Второй императорский сын вернулся, наконец, из своего инспекторского вояжа по гарнизонам.

– Ну, вот вам и вторжение во дворец, – довольно громко произнес Александр, чем вызвал общий смех.

Константин, до смешного похожий на отца, стремительно вошел в столовую, приложился к руке отца, затем – матери. После чего обвел помещение не слишком добрым взглядом ледяных голубых глаз:

– Здравствуй, братец. Дамы, мое почтение.

– Вы не поздороваетесь с супругой, ваше высочество? – не удержалась я.

Ледяной взгляд переместился на меня:

– А почему это вас так волнует, ваше высочество?

– Потому, что меня учили правилам этикета, – ответила я, игнорируя толчки колена Александра.

– Ах, вот в чем дело. Ну, это мы исправим, дорогая невестка.

И Константин нарочито развязной походкой пошел вдоль стола, прикладываясь к рукам сначала сестер, а потом – Аннет. Та внезапно вскрикнула.

– Что случилось? – нахмурился император.

– Это от радости, батюшка, – ухмыльнулся Константин.

Следующей по очереди была я. И очень быстро поняла, отчего вскрикнула Аннет. Целуя мне одну руку, Константин исхитрился пребольно ущипнуть меня за другую. Вот же дрянь!

– Ах, братец, как я рада! – закричала я и одновременно с вывертом ущипнула Константина за туго обтянутую лосинами ляжку.

Тот взвыл не столько от боли, сколько от неожиданности. Александр хохотал, как безумный, августейшая же чета никак не могла взять в толк, что происходит.

– В чем дело, князь Константин? – повысил голос император.

– Она меня ущипнула, батюшка, – плаксиво отозвался тот.

– Княгиня Елизавета, что это на тебя нашло?

– Ничего, папенька. Великий князь Константин ущипнул сначала свою супругу, потом меня. Я решила, что так и полагается.

– То есть как – ущипнул?

– Больно, – огрызнулась я, начиная злиться. – Извольте полюбоваться.

И, спустив с плеч шаль, продемонстрировала свежий синяк.

– Уверена, что у Аннет таких отметин больше, – злорадно добавила я. – Только она из гордости молчит. А князь Константин пусть радуется, что я в него дохлой крысой не швырнула.

– Это еще что? – побагровел император.

– А то, папенька, что наш братец развлекается, стреляя в супругу крысами из игрушечных пушек. А она жаловаться боится, у него рука тяжелая.

– Это правда, князь Константин? – осведомился император.

– Да я же шутил, батюшка.

– Хороши шутки – до синяков. Так-то ты со своей супругой обращаешься. Да еще и беременную невестку обидел. Неделю посидишь в своей комнате на хлебе и воде под строгим караулом. А если и после этого не перестанешь безобразничать – зашлю в Сибирь, волков пересчитывать. Ты меня знаешь.

Великий князь Константин побледнел и бросился на колени перед императором.

– Простите, батюшка, бес попутал. Клянусь, пальцем не трону более.

– Так-то ты нас радуешь. Княгиня Елизавета в положении, а от тебя разве мыслимо потомства ожидать, коли ты так со своей супругой обходишься? А ты, княгиня Анна, почему молчала?

– Дозвольте, папенька, к родителям уехать, – дрожащими губами пролепетала Аннет. – Сил моих больше нет бояться, да муки терпеть.

Скандал в благородном семействе завершился сомнительным компромиссом: ежели великий князь Константин по-прежнему будет свою супругу обижать и пренебрегать супружеским долгом, то она уедет погостить к родителям, а он отправится в противоположном направлении: сибирские остроги инспектировать. А отца, насколько я поняла, наш Костенька боялся до икоты, тем более что в любимчиках у матери он тоже не числился.

Когда мы принялись за кофе, Константин подсел к нам с Александром.

– А вы изменились, Лиза, – с некоторым даже уважением сказал он. – Вот уж никак не ожидал от вас получить такой отпор.

– У меня осложнение после болезни, – сухо сказала я. – Испортился характер. Если доведут, могу и поколотить.

– Восхитительно! Всегда мечтал о такой жене. А то княгиня Анна только пищит и плачет.

– Не переживайте, я дам ей несколько уроков самообороны. Может, тогда вы научитесь уважать и любить свою супругу.

– Саша, что это с ней? – обратился Константин к брату. – Не узнаю нашу кроткую мечтательницу-молчальницу.

– Людям свойственно меняться, особенно женщинам, – дипломатично ответил мой супруг. – Уверен, что когда наши сестры выйдут замуж, они тоже изменятся.

В этот момент в гостиной появился лакей и доложил:

– Курьеры из Австрии и Англии к его императорскому величеству. Уверяют, что дело срочное.

Павел Петрович резко поднялся с кресла, оставив кофе недопитым, и стремительно двинулся к выходу, бросив через плечо:

– Князя Александр и Константин, за мной.

Наши взгляды с императором на мгновение встретились и я поняла, что думали мы об одном и том же: Франция почти покончила с завоеванием Северной Африки и плотно взялась за европейских соседей.

Позже я узнала, что за несколько дней до появления курьеров Бонапарт был провозглашен первым консулом – пожизненно. А догадаться о том, чего хотели австрийцы и англичане от России было несложно: помощи. Россия практически всегда безотказно помогала всем своим союзникам. Но сейчас я была полна твердой решимости помешать очередной раз проехаться за российский счет.

Единственной потерей при этом было то, что в будущем не появиться картины «Переход Суворова через Альпы». Но, думаю, это небольшая плата со сохранение жизни нескольких десятков тысяч русских солдат.

Увы, как показало будущее, через Альпы Суворову все-таки пришлось переходить.

Глава восьмая. Политика – не женское дело?

Из истории я помнила, что в самом конце восемнадцатого века Франция тихом присоединила к себе Голландию под названием Батавской республики, а в Италии – Папскую область под названием Римской республики. Более того, заняла королевство Сардинии и начала проникновение на Балканы. Это уже были не почерпнутые из учебников знания: князь Адам Чарторыжский спешно покинул Сардинию и вновь объявился в России.

Швейцария подчинилась Франции под названием Гельветической республики, однако жители последней пришли в сильное волнение, некоторые кантоны восстали, а один попросил покровительства у Австрии и был занят 6-и тысячным австрийским отрядом.

С моей точки зрения, бОльшей глупости Австрия сделать не могла. Франция уже располагала внушительным войском, Наполеон одерживал победу за победой в Северной Африке и уже предоставил Конвенту план строительства Суэцкого канала, который лишил бы Англию монополии в области торговли с Индией. И шесть тысяч австрийцев, войска которой никогда не отличались особой храбростью, собрались противостоять этой военной мощи? Абсурд!

Примерно так я и высказалась, когда Александр поздней ночью пришел ко мне в спальню. Он выглядел сильно уставшим и как-то вяло реагировал на мои пламенные пассажи о том, что нужно послать ко всем чертям Англию вместе с Австрией.

– Душенька, император связан договором. А ты знаешь его представления о чести и достоинстве. Да фактически все уже решено: русские войска будут воевать против Франции в Италии и Голландии. Войсками в Италии определен командовать Суворов.

– Он же в ссылке и под опалой, – заметила я просто для того, чтобы поддержать разговор.

– Опала с него снята. Англия и Австрия настаивают, чтобы русскими войсками командовал именно Суворов. Император Франц Первый уже присвоил ему звание австрийского фельд-маршала.

Для меня это была оглушительная новость. Ничего подобного я в своей прошлой жизни не читала.

– И государь согласился?

– Без особого восторга. Мне кажется, Лизонька, он предпочел бы иметь в союзниках Бонапарта. Но обязательства...

– А если порвать эти обязательства и заключить новый договор с Францией?

– Вряд ли отец на это согласится, – покачал головой Александр. – Ты же знаешь его взгляды на долг и честь.

– Тогда отложите свадьбу Александрин. Чует мое сердце, что австрияки опять учинят какую-нибудь подлость, государь все равно с ними порвет, а расплачиваться за это будет молодая эрцгерцогиня.

– Не забивала бы ты свою прелестную головку политикой, Лиз, – устало вздохнул Александр, стягивая ботфорты. – Достаточно того, что мне приходится этим заниматься. А с сегодняшнего дня придется уделять этому еще больше времени.

– Мы еще поговорим об этом, – уступила я. – Не о политике, а об Александрин. Меня беспокоит этот предполагаемый брак, она еще совсем девочка...

– Тебе было столько же, когда я на тебе женился, – сонно пробормотал Александр, поудобнее устраиваясь в постели. – Спокойной ночи, милая.

– Спокойной ночи, – пробормотала я.

Супруг уснул моментально, а ко мне сон не шел. Мешали мысли о том, что я вряд ли смогу убедить императора отказаться от союзнических обязательств. Конечно, этот союз все равно будет разорван, но... Но за две недели до этого великая княжна Александра будет обвен-

чана с эрцгерцогом Иосифом, братом австрийского короля. А потом уедет с ним за пределы России и скончается через несколько дней после родов.

Вот как это можно предотвратить, особенно учитывая тот факт, что жених и невеста были влюблены друг в друга?

Уже на рассвете меня осенила совершенно сумасшедшая идея: добиться, чтобы эрцгерцог, официально считавшийся еще и Палатином (королем) Венгрии, дал обязательство жить в своей резиденции именно там, и как можно реже появляться в Вене, желательно – без жены. Я помнила, что погубила Александру австрийская императрица, завидовавшая ее молодости и красоте. Отравить ее, что ли?

Ах, как же мне не хватало надежных, доверенных помощников! На шестом месяце беременности, одна, я вряд ли могла совершить что-нибудь путное. Разве что попытаться уговорить дражайшую матушку не отпускать Александру из России, по крайней мере, до тех пор, пока она не родит. А там видно будет.

С этим я, наконец, и заснула – за час до того, как Александру нужно было вставать и приступать к своим обязанностям престолонаследника. Та еще работа, скажу я вам. С ненормированным рабочим днем и полным отсутствием премиальных.

На следующий день я узнала, что император определенно склоняется к неуклонному выполнению своих союзнических обязательств. Обед на этот раз прошел в гробовом молчании: Павел Петрович, глубоко убежденный в том, что всю свою жизнь он посвящает благу родины, явно пытался понять, как гибель российских солдат за другие государства может этому самому благу поспособствовать.

Рождество тоже отметили как-то не слишком весело: княжны-невесты были поглощены приготовлениями к замужеству, старшие Великие князья сутками пропадали в императорском кабинете на бесконечных совещаниях, императрица с головой ушла в благотворительность, которой и без того отдавала большую часть своего времени. А я прислушивалась к первым толчкам своего ребенка и молила Бога о мальчике.

На Масленице Александр сделал мне щедрый, хотя и странный для других (если бы они о нем узнали) подарок. Он подобрал трех кавалергардов, безусловно умных и проницательных, и поручил им создать «Тайную службу». Работа их заключалась в том, чтобы прислушиваться и приглядываться к окружающим их людям (мужчинам, разумеется) и отмечать малейшие признаки недовольства или грядущего заговора. Если бы им понадобились помощники, они вольны были сами их избирать, но вся ответственность ложилась исключительно на «трех мушкетеров», как я их про себя окрестила.

Моими (точнее, нашими с Александром) «глазами и ушами» стали Алексей Охотников, Николай Депрерадович и Иван Ершов. Все трое – с безупречными послужными списками и манерами, беззаветно преданные Великому князю Александру, равно как и государю-императору, тайно защищать которого вменялось им в обязанность.

Кстати сказать, кавалергардский полк был сформирован совсем недавно – 11 января 1799 года и первоначально насчитывал всего 189 человек. Но уже через год, 11 января 1800 года, корпус был переформирован в трехэскадронный Кавалергардский полк императорской гвардии.

Но это случилось позже. А пока верный своим увлечениям Павел Петрович учредил регулярный Кавалергардский корпус, как личную гвардейскую часть великого магистра ордена св. Иоанна Иерусалимского (каковым являлся сам Павел). В него входили только дворяне, награжденные за заслуги знаком Мальтийского креста.

Эта особенность отразилась и в форме Павловских кавалергардов, на красных супервестах которых красовались белые мальтийские кресты. Само же присвоенное в 1799 году кавалергардам обмундирование было белого цвета с красным и с серебром, по форме кирасир того времени, и с кирасирским же вооружением. Причем кавалергарды обыкновенно носили

треугольные шляпы, но в торжественные дни надевали серебряные кирасы и серебряные же шишаки со страусовыми перьями.

Создавал корпус генерал-фельдмаршал граф Валентин Платонович Мусин-Пушкин, который и стал первым шефом кавалергардов.

В общем, я получила больше, чем хотела: мальтийских рыцарей русского происхождения в качестве своих информаторов и помощников. К этому времени я успела создать какое-то подобие собственного двора. До этого у нас с Александром был только гофмейстер придворного штата великого князя Александра Павловича, граф Николай Головин, назначенный императором Павлом в 1706 году. Но ни придворного штата, ни двора, как такового, не было: до моего появления в ее теле великая княгиня Елизавета дружила только со своей старшей фрейлиной, супругой графа Головина.

Эта замкнутость моей предшественницы доставила мне немало хлопот. Пришлось срочно набирать фрейлин: княжну Софью Голицину, графиню Анну Толстую, княжну Наталью Шаховскую, княжну Варвару Волконскую. Делала я выбор по рекомендации графини Головиной и ни разу об этом не пожалела, потому что в результате сложился небольшой кружок близких мне по духу людей.

Ну, а где фрейлины – там и музыка, и пение, и молодые люди, прошедшие строгий отбор у моего супруга. Три мои мушкетера совершенно органично вписались в атмосферу моего маленького двора, хотя бывали далеко не на всех вечерах. Зато великая княгиня Анна не пропускала ни единого вечера, да и днем мы с ней частенько прогуливались вместе: я уже нуждалась в опоре.

– Знала бы ты, как я тебе завидую, – со вздохом призналась мне во время одной из таких прогулок Аннет. – Муж на руках носит, пылинки сдувает, ребенок уже вовсю крутится, на свет просится... А я – соломенная вдова. Уж и не помню, когда муж со мной ласков был. Если такое вообще было.

– Почему ты не потребуешь развода? – в который раз удивилась я. – Ты молода, красива, здорова – найдешь себе хорошего мужа, пусть бы и не цесаревича, а герцога...

– Маменька запретила мне даже думать об этом, – всхлинула Аннет.

– Твоя маменька?

– Нет. Государыня.

– Так поговори с государем, – предложила я. – Он вовсе не злой человек и чрезвычайно галантен по отношению к женщинам.

– Не знаю... Я его боюсь. Константин пригрозил мне, что если я пожалуюсь папеньке, изобьет меня до полусмерти.

– Тяжелый случай... – вздохнула я. – Знаешь, потерпи до моих родов. Потом я с папенькой приватно побеседую. Полагаю, меня князь Константин бить не будет.

– Но император... разгневется.

– Я сделаю так, что он разгневется на своего сына, – успокоила я ее.

Вроде бы мы гуляли вдвоем и вокруг никого не было, но в тот же вечер меня вызвали «на ковер» к государыне императрице.

Вообще-то с тех пор, как я забеременела, она относилась ко мне почти ласково. Нотаций, во всяком случае, не читала и губы не поджимала. Один только раз попробовала, когда я начала устраивать у себя «малые приемы», проще говоря, вечеринки. Это Марии Федоровне совсем не понравилось: все придворные должны были собираться только на ее приемах.

– Дочь моя, – холодно сказала она мне, вызвав в свой будуар, – вы, кажется, возомнили себя императрицей?

– Откуда такие мысли, маменька? – искренне изумилась я.

– Создали собственный двор...

– Вы называете «двором» десяток молодых людей, которые играют в шарады, поют и музицируют?

– Но вы и о политике говорите.

– А куда же от нее деваться, если Бонапарт всю Европу взбаламутил?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.